

Фрида Штейнене интервью

Шауляй, Литва

Интервьюер Жанна Литинская

Интервью с Фридой. Как ваша правильно фамилия по-литовски?

Штейнене.

Это фамилия по мужу? А девичья фамилия?

Байтлер.

Она у вас была в такой форме еврейской без окончания в молодости?

Да, такая была.

Когда и где вы родились?

Я родилась в Жагаре, это на латышской границе, в 1932 году.

А время?

29 ноября.

Я бы хотела прежде чем вы будете рассказывать о вашей семье, о ваших родителях, чтобы вы рассказали то, что вы знаете о предках семьи. Под двум линиям - по отцовской, материнской в любом порядке начиная с того человека которым вы что-то знаете, даже если вы его не видели никогда. Может, прадедушки, бабушки, дедушки, как их звали, чем они занимались, как они выглядели. Вот в таком духе. А я буду задавать наводящие вопросы.

Как выглядели, я помню бабушек, потому что дедушек я не застала.

Ну вот давайте по отцовской или материнской все равно.

Значит, по отцовской линии. Мой отец, Лейбл Байтлер, его мать была Мина Байлер по мужу.

А девичья?

А девичья фамилия была Бренер. Бабушкина семья происходила из маленького городка Векшняй, это тоже недалеко от Жагара, отсюда недалеко, северная Литва. Векшняй был такой еврейский городок и очень часто горел.

Почему?

Вот были пожары, во всех этих маленьких городках были пожары-деревянные дома, печки, и постоянно горели. Так вот Векшняй очень хорошо горели два раза, и после этого погорельцы перебрались в Жагар. Фамилия Бренер, мы так подозреваем, имела какую-то связь с этим, потому что прадедушка был абсолютно слепой.

А что значит Бренер.

Это «горевший».

Погорелец?

Ну вроде того, корень во всяком случае отсюда, “бренер” значит гореть. Прадедушка был очень красивый...

Прадедушка – это бабушкин отец?

Да, Самуил его звали....

Самуил Бренер.

Да. Он был абсолютно слепой.

Вы его фотографию видели?

Я фотографию не видела, по рассказам родственников, которые его еще помнили, я то его не помню.

Значит, перебрался из Векшняй...

Вся семья, наверное, перебралась. Прабабушка была Нора, но я о ней, откуда она происходит и ее девичья фамилия, я не знаю. У них было восемь

дочерей, это я знаю, сыновей не было. Очень бедная семья была, их в основном. Сохранила община....

А чем Самуил занимался?

Самуил...стыдно сказать, он был катеринщиком, это значит, на шарманке играл, это считалось уже самая низшая каста.

То есть, он ходил по дворам.

Ну да, в городе играл на этом. Потому что фактически что мой слепой человек делать, потому что найти работу в маленьких городках было невозможно, люди занимались кто чем, но восемь девочек...

Катеринщик называлось.

Да. Девочки хорошие все были, одна из них, я знаю, стала вязальщицей.

А их имена вы помните?

Нет, нет...Одна из них была, кажется, Матла, другая была Шейне Бася, моя бабушка была Мина. Самая красивая из них была моя бабушка, она была самая красивая, видно, в отца пошла. А дедушка с той стороны с отцовской...

Это мы про отцовскую линию говорим?

Да. Дедушка происходил из богатой семьи, на самом деле его фамилия была Рот. Но он провинился во время Первой Мировой войны, я точно не знаю, это была тайна семейная, и я об этом узнала после войны. Приехал человек, искал своих братьев, а их фамилия была Байтлер, он узнал, что в Шауляе живет такой человек. Он приехал и он рассказал историю эту, оказывается, наш дедушка служил в армии и когда началось массовое дезертирство, дедушка уехал на фуре с имуществом военным. И как это было и что это было, но видно, его посчитали нечестным, я точно не знаю. И поэтому на него очень рассердилась семья, и у него отняли фамилию и право следования.

А как можно было отнять фамилию?

Юридически я не знаю, как это делалось.

Может, в раввинате.

Этого я не знаю.

То есть, они от него как бы отреклись.

Да, отреклись. И ему дали фамилию Байтлер, эти люди были из хорошей семьи, не последние люди, но небогатые, и наследовать он ничего не мог. И приехал он к нам в городок, дед, к своим родственникам, фамилия которых была Вайнер.

А вообще он не из Жагар?

Прадед жил не в Жагаре и я так и не поняла, то ли в Латвии, потому что Латвия это была Россия до Первой Мировой.

Я прошу прощения. Богатыми были его родные родители.

Да. И фамилия эта так и осталась у деда. А женился он на бабушке, девушке из очень бедной семьи, но очень красивой, опять таки была причина не признать его, и так и дедушка остался в этой жизни. Они, действительно, бедствовали, у этой бабушки было 11 детей.

У бабушки Мины?

Да, двое умерли, а девять остались. Девять детей, я со всеми ими хорошо общалась.

Это ваши дяди и тети?

Да, я всех их хорошо знала.

Ну давайте. Девять, это, конечно, наберем терпения. Мы обо всех хотим немного поговорить. Каким образом - когда вы будете рассказывать о своей жизни, и будет она как-то пересекаться с ними, мы еще раз будем о них

говорить, какие-то бытовые случаи, всякое было. А сейчас просто о каждом, если знаете по старшинству, называя каждого, его имя, кем он стал, где он окончил жизнь и его семья. Жена, дети, вот о каждом так немного. Отец в каком году родился?

В 1909 году. А после него была Хана, ну погодки. Ну Хана, я не знаю, кем она была, кем она работала. Была тоже очень красивая женщина. Вышла замуж за шауляйского, рабочий, по-моему, он был. Фамилия их была... Зойберблат.

А что это значит?

Чистый лист.

И она уехала в Шауляй?

Да, она уехала в Шауляй, и здесь они с ним жили. У них было трое детей до войны. Старшие дети, Янкеле и Эстерке, это были мои двоюродные, они были моего возраста, и даже была фотография, я искала ее и не могла найти. Еще был младший мальчик, но я его не помню даже имени. Он родился перед самой войной, маленький еще был. И когда началась война, это было в 1941, они эвакуировались. И они успели дойти до Йонишкис, потом там националисты перекрыли границы, и не дали им ее перейти. Они должны были там остаться.

Йонишкис – это недалеко от Жагар.

Да.

Так это националисты не пустили их?

Да. И они были расстреляны там, тем более, что он был коммунистом.

Зойберблат был коммунистом, был рабочим, и тогда подпольных коммунистов было много.

Да, он даже сидел в тюрьме, насколько я слышала, очень коротко, ну что еще. Вторая сестра была Циля, Циля 16 лет вышла замуж и, поскольку это было без... ну не то, что без согласия, ну не очень хотели родственники, что она так рано вышла, и с другой стороны тоже, так они уехали в Биробиджан и были на стройке Комсомольца-на-Амуре. Но потом он рано умер, он там заболел на стройке и умер, и она со своей старшей дочкой Аней оттуда уехала.

Это еще до войны было?

Это было еще до войны.

А как фамилия ее по мужу, не помните?

Фамилию не помню...

Неважно не вспоминайте, может, потом вспомните.

У нее было две девочки, Аня и Нина, довоенная, такая как наша сестра, она родилась в 1937 году.

А вот эта Циля больше не выходила замуж?

Она вышла замуж уже после войны за немецкого еврея.

А во время войны где она была?

Они были в эвакуации, по-моему, в Клинцах, я точно не помню.

А что значит, за немецкого еврея, кто это такой?

А это после войны, когда уже из концлагерей возвращались, я не знаю, почему этот Вальтер очутился в нашем городе.

В Жагаре?

Нет, уже в Шауляе.

Уже после войны Шауляе были.

Да, мама после войны жила в Жагаре с отцом, но поскольку надо было учиться на русском языке, а русской школы не было, то я тут жила. Циля тут

жила. Жили, знаете, как, родственники все вместе, жить то негде было. А вот эти две девочки, она вышла замуж потом за Вальтера, и она с мужем и младшей дочкой уехали в Германию. Там эта младшая вышла замуж и они сейчас живут в Германии.

Циля еще жива?

Нет, недавно умерла.

Много лет прожила.

И еще ..

А что с Аней стало?

Аня тоже умерла, старшая. Младшая тоже должна быть еще...они очень богато живут, я не помню как она по мужу, он не очень охотно общались...

У вас с ними нет связи?

Нет, нет.

А за Цилей кто был?

Потом был дядя Рувим. Был просто человек, работал, всякие работы менял, был очень простой человек.

А о его семье.

Он был женат на девушке, вернувшейся из концлагерея Дахау.

Так он вернулся уж после войны?

Да.

А во время войны он был в эвакуации?

Да, вся семья бабушки была в эвакуации.

Он был до войны не женат.

Да, он еще не был сарым.

Мы говорили о Рувиме, он женился на девушке, вернувшейся из Дахау.

Как ее звали?

Люба.

И они тоже жили в Шауляе.

Да.

У них дети были?

Сын Исаак, и он не так давно с семьей уехал в Израиль.

А Рувима уже нет в живых, когда он умер?

Лет, наверное, уже шесть.

Так это третий Рувим был.

Четвертой потом была Люба.

Она так и была Люба или у нее какое-то еврейское имя было?

Люба, Либа была. Мы ее звали Любой всегда. Она фактически была хозяйкой дома, потому что бабушка постоянно после смерти деда должна было крутиться детей кормить. Она ездила и торговала рыбой. Они ездили в Клайпеду, Латвию, привозили рыбу и продавали на базаре. А от базара к базару одалживала деньги у людей, переодолживала и т.д.

А с кем же она ездила?

Она ездила поначалу с моим отцом до тех пор, пока он был холост, а потом с Рувимом. А Люба сидела дома и младших детей смотрела.

А бабушка какого года рождения?

Она была примерно 1888.

Она вообще молодая была.

Она была примерно 40 с лишним, когда дедушка умер.

Значит, эта Либа смотрела детей.

Да. Она вышла замуж тоже до войны, у нее муж был парикмахер. Во время войны он погиб, они тоже в эвакуации были, и у нее был старший сын.

Ее муж погиб на фронте?

Да. Ее старший сын Янкл, он и теперь живет в Вильнюсе. Ее послевоенные дети, от второго мужа, Лейбович ее второй муж, так из этих детей один остался тут, а другой уехал в Израиль.

А Янкл какого года рождения.

1939 или 1938.

Но Либы уже нет в живых, она в Литве умерла.

Она умерла 68 примерно лет. Потом был Мойше. Мойше во время войны они все были в 16 дивизии, все бабушкины дети, он погиб в разведке.

Он не был еще женат?

Молодой парень был, лет двадцати одного, может быть. Потом за ним был Хаим. Хаим старше меня был всего на пять лет.

1927 года.

Это был мой друг и защитник, и мы с ним не только родственники, но мы с ним очень близко были. Во время войны они эвакуировались и сначала попали в Узбекистан, потом он почему-то с мамой не ужился, он захотел жить отдельно, он работал где-то в колхозе, потом его взяли в армию. Он пошел в 17 лет. Я знаю, что он участвовал в боях на озере Халкин, в самом конце войны. После войны он еще года три служил. И потом он вернулся сюда в Шауляй, здесь женился на девушке Дине Левиной. Дина Левина была одной из тех, которые случайно остались живы после расстрела в Понеряй. Ей удалось.

Она из Вильнюса была?

Ей удалось из ямы выползти, она говорила, их было человек 10-15, раненых и уже облитых известкой. Но как-то их спасли.

Ну хотя бы несколько...она вышла из Понеряй и потом пряталась.

Да. Они вместе шли ночью по городу и просили, чтобы их кто-нибудь пустил, а это была осень, холодно...просили чтобы кто-нибудь пустил, и люди их не пускали. Даже были такие, которые говорили – возвращайтесь туда назад. На конце города нашлась какая-то полячка, которая их пустила, пригрела и дала им возможность выспаться. И после этого как-то они передали сообщение в гетто, и там из гетто им как-то помогли - кого-то к людям пристроили, а кто-то вернулся в гетто, я даже не знаю как, знаю, что судьба разная была у этих людей. Кто-то погиб из этих людей, кто-то попал в партизанский отряд...

Это было не в самом начале войны?

Это был 1941 год, когда были акции, когда начались чистки, они же уменьшали количество жителей, кто не работал. Вначале у нее старший брат и мама имели эти карточки, потом их отняли и перевели на другие квартиры...

Их перевели в другое гето и потом его ликвидировали. И Дина единственная из семьи выжила.

Да, ее как спасли - потом ее спасали...Мама осталась жива, и она передала ей, чтобы она не возвращалась в гетто. И ее спасла какая-то учительница, то ли полячка, то и русская, она говорила по-польски. И эта женщина ей дала документы своей умершей ученицы. И по этим документам она жила сначала у одной женщины, потом ее дали как бы в услужение кому-то. А поскольку она говорила по-польски, поляки некоторые чернявые такие, у нее не было таких ярко выраженных еврейских черт, и она сошла за полячку, и она была в услужении. А потом ей тяжело было работать и терпеть унижение, в 1944 году когда 16 дивизия освобождала Вильнюс, она пошла искать родителей,

и пошла на свою улицу, где они жили. Ну конечно никого не нашла, там жили чужие люди. И она была уже больна, то ли простужена, то ли что, и от переживаний, от голода, она настолько ослабла, что уже идти не могла. И когда она просила людей, чтобы ей показали, где госпиталь, никто ей даже не помог. Кто-то ей показал направление, и она ползком доползла до госпиталя. Это был военный госпиталь, и там русская женщина-врач ее выходила и потом даже собиралась ее удочерить. Но это была еще война и войска двигались на Кенигсберг, и эта женщина отдала ее к своей знакомой на попечение. И та ее отправила в детдом, а только что открылся детдом для еврейских детей. И она попала в детдом. А получилось так, что девочек с такой же фамилией и именем было две.

Она попала по своей старой фамилии?

Да, Дина Левина. Ей же тогда было всего лет десять, а может, одиннадцать, она всего на два года моложе меня. Ну и вот потом она в другой детский дом попала. Потом она попала в школу профтехническую, окончила курсы по торговле и как торговый работник попала к нам в Шауляй. И тут они познакомились с мом дядей и поженились. Та вот эта Дина узнала, что ее отец жив. Ее семья была музыканты, ее бабушка был богатый человек, они какой-то торговлей занимались, то ли колбасная фабрика, то ли что еще. А родители были музыканты, мать играла на фортепиано, а отец играл на скрипке и на фортепиано, ее дядя были музыканты. Словом, это было интеллигентная семья. И отца перед войной арестовали и сослали как всех из богатых семей, он попал в эту рубку, а мама и дети остались. Таким образом отец очутился в России и каким-то образом после 1945 года он через Японию или Китай перебрался в Израиль.

Наверное, через Иран.

Может быть, я знаю через Азию он перебрался в Израиль, и она узнала что он жив. Они стали переписываться, отец ее стал звать к себе. А поскольку она была польская подданная, ведь до 1939 года была Польша, они с семьей... Это было в 1956 году...

В 1956 году массово уезжали в Польшу.

Да, они еще два года прожили в Польше а потом уехали в Израиль.

А дети есть у Хаима?

Да, у Хаима было двое детей, сын Янкл, он теперь Арон и дочь Софья. Дочка вышла замуж за немецкого еврея.

А Хаим еще жив?

Хаим умер недавно года два. А Соня, Янкл они как все раввины- у них шестеро детей и они бедствуют, а дочка довольно прилично живет... У нее типография.

А Дины тоже уже нет в живых?

Дина есть, они в Иерусалиме. У них много внуков, шестеро от этого и четверо от дочери, когда собирается семья, дети все хорошие, особенно необыкновенные дети у Янкла. Они воспитаны не так как наши. Они даже не смотрят того, что нельзя, но дети умные живые, он их воспитывают по другому, жена у него из румынских евреев.

В общем, у Дины судьба после войны сложилась хорошо.

Знаете. Вот ощущение, что ей просто суждено было остаться в живых. Вы знаете, с таким же именем и фамилией я потом прочитала Лехаим, Дина Левина осталась жива в Бабьем Яру.

Дина была, но не Левина.

И у меня такое ощущение, что имя Левиты хранит их. Вот такая... А младший был Иосиф...

За Хаимом был Иосиф?

Да. Он родился перед смертью фактически деда.

В каком году он родился?

Я думаю, что это было в 1930 году, дед умер в 1930 году. Он когда дед умер, он его держал на руках, значит, он был еще совсем маленький ребенок. Вот этот Иосиф был очень похож на бабушку больше всех, очень красивый, очень рослый, ему было пятнадцать лет когда он погиб. Погиб он трагически, я сейчас расскажу. Очень хорошо пел, очень нравился девушкам, он был такой красивый парень. Значит, они с бабушкой перебрались в Киров, моя мама и они перебрались в Киров и бабушка работала на станции селекционной была такая станция. И они выращивали новые сорта овощей, которые районировались в северные районы России.

Это во время войны работала эта станция?

Бабушка на этой станции сторожихой была. А он был рабочий. Это была весна, и они развозили навоз на поля. А на санях полозья расширенные и вот на этих санях они повезли, и когда порожняком возвращался, он стоя ехал и пел - он всегда пел. Пел и разъезженные полозья, и повело сани в сторону и ехал трактор. И трактор наехал на край саней, они опрокинулись, и он попал под трактор. Так он погиб - красивый, здоровый, способный, ну в общем... Бабушка едва пережила. Она заболела воспалением легких, попала в больницу и мы ее выхаживали. Ну как - мы жили на одном конце города, бабушка на другом. Мы жили фактически не в городе, а около Вятки. Была такая перчаточная фабрика, на которой работали эвакуированные с Украины, Полтавы, и работали для фронта. И моя мама там работала, она была портнихой, и надо было нам оттуда по шпалам до Кирова пешком идти, через Киров через весь город мы шли в больницу. А чтобы бабушку поддержать, нужно был мед, масло, ну что было что-нибудь, а не было. Был 1943 год. И мама моя получала такие обрезки от этих перчаток, и шила детскую одежду, и с этим мы шли на базар и мама продавала это мы тут же покупали мед, масло, буханку белого хлеба и несли бабушке. И бабушку мы выходили. Потом после войны бабушка умерла в 74 году в начале 1960х.

Здесь в Шауляе она умерла или в Жагаре?

Нет, здесь в Шауляе она похоронена. Вот это истории с этой стороны.

А теперь об отце, как его звали?

Лейба, он был старшим, 1909 года. А его отца звали Янкл Нисан.

Так кто в первую мировую войны.

Это он, Янкл Нисан.

Поэтому много был Янклов потом.

Да.

Отец получил какое-то образование?

Сейчас я скажу. Отец был самый удачный в семье, был рослый, сильный, очень физически сильный был. Обладал хорошим характером. он, знаете, был добрый и защитник слабых всегда. И когда ему было 19 лет, мы запомнили рассказ этот. Было так, знаете, как на базаре, то ли потому что ...было оыношение, но если кого обижали, то отец с кулаками защищал. Я знаю, что он снял передник и оглоблей разогнал толпу, которая издевалась над евреем. Ну образование - оно не могло быть в такой бедной семье. Кончил он всего 4 класса.

А в хедер он ходил наверное?

Это называлось фолкшул, 4 класса. Но он был довольно способный человек, все евреи среднего класса, богатых было немного в нашем городке, помню я их всех, их было немного. А в основном, те что были в основном, бедняками и всякие ремесленники- мама была портниха, отец был сапожник.

Отец помогал бабушке до какого-то времени?

Да, до 22 лет.

А потом он выучился сапожному ремеслу.

Не знаю, может, он и раньше выучился, я уже не помню, но только он был вынужден с мамой ездить. А когда женился, он уже свою семью должен был содержать, и другой брат ездил. Он был сапожник. Мама портниха, работа у обоих была и мы не бедствовали.

А вы старшая в семье?

Да я старшая.

То есть, они поженились где-то за год до вашего рождения?

Да, им было обоим по 22 года.

Они ровесники?

Ну да примерно должны быть ровесники.

Теперь точно так же по материнской линии.

Что об отце не все сказала.

Да, я слушаю.

Отец до войны он был то ли председателем кооператива его выбрали, то ли как его было, но он был уже на руководящем посту.

Это когда уже пришла советская власть?

Да, это уже примерно в это время. Вообще его в 1940 году избрали. Потом во время войны отец...

Вы говорили, что его выбрали председателем кооператива сапожников.

Нет, нет торгового, что сказать - кооперация был прообраз советской власти. Отец был из левых, он был тоже коммунистом.

Он подпольщиком был?

Нет, он сочувствовал.

Так он стал коммунистом уже при советской власти?

Нет, раньше.

Значит, он был подпольщиком, компартия же была в подполье.

Ну будем считать. Ну даже были такие случаи, что его скрывали знакомые литовцы. Теперь что еще о нем- эвакуировался он самым последним, можно сказать, потому что он помогал эвакуироваться другим, и мы эвакуировались, это уже был шестой день войны.

Хорошо, давайте об этом не будем, потому что у меня такой метод, до совместной жизни мне рассказывают... Значит, мы рассказываем эти линии. А потом уже о себе и семье все опять возникнет. Теперь если можно то же самое о материнской линии.

Моя мама, Этл, ее отец был Велвл, фамилия ...Кантор. Отец был Велвл, он действительно был служкой в синагоге. Он очевидно был певец, потому что я тоже его не застала, и мама не очень распространялась о нем.

Почему мама не любила о семье своей рассказывать.

А я вам потом скажу. Мама ее Хая...

Но Хая вы знали?

Да, она меня воспитала. Бабушка Хая была из Пашветинис, небольшой городок в окружении Шауляя. Фамилию ее девичью не очень помню, я только

знаю, что двоюродная сестра мамы была ...и мамина фамилия была Бин. А с какой стороны она была- то ли сестры были Бин, то ли по мужу она была. Это я уже не помню. У мамы была еще сестра Базеле и, значит, бабушка вышла замуж за вдовца.

То есть, мамин отец был вдовцом.

Он был вдовцом, и у него было семеро сыновей. Почему-то выдали ее замуж за вдовца. К тому же больной, они все в семье болели чахоткой. Бабушка была из религиозной семьи, и все почему-то говорили – А рос а тохте.

А что это значит?

Дочка раввина, то ли бабушка моя Мина нарочно это говорила с иронией. То ли действительно, вот это точно не могу сказать, но то что она была из очень религиозной семьи, это факт. И очевидно, ее не хотели выдать за кого попало, выдали за вдовца верующего.

Пожилую и больного.

Он не был такой старый, он просто такой был больной.

А бабушка Хая какого года рождения?

Вот этого я уже не знаю.

Но она была старше той бабушки?

Она была старше. Значит, бабушка учила девочек молиться, это я хорошо помню.

Такой хедер для девочек был.

Да, да, где-то на какой-то квартире собирались и она учила девочек, это я помню. Ну и потом...

Кстати, обе бабушки, они как выглядели, как религиозные женщины или нет, в париках ходили?

Бабушка Хая ходила в парике, бабушка Мина нет, только в платочке. Бабушка Хая потом, когда она уже болела. Ее разбил паалич, помню ей 73 года было, она сидела перед окном, Базеле сажала возле окна в белом платочке.

Когда бабушки не стало Хаи?

Бабушку убили в Джагаре во время акции в 1941 году.

А с кем она осталась?

С Базеле. Она не могла эвакуироваться, потому что она была прикована к постели.

А Бася старше мамы?

Младше.

Ну о Басе немного, о тех семерых сыновьях не будем говорить

А о них - часть из них умерла.

Там чахотка была.

Да, да, остальные, двое точно знаю, уехали в Южную Африку. Говорят, фамилия Кантор там распространена. Одно время они высылали бабушке деньги и на них фактически бабушка и жила. Она, видно, не была плохой матерью, потому что после смерти деда она их растила. И первые дети даже моя мама кончала гимназию, 4 класса, а эти уже помогали, но больше 4 классов не могли. Мама была очень способная, очень хорошо с математикой было.

Так она была в еврейской гимназии?

Не помню, по-моему, еврейской гимназии в Жагаре не было, вот не помню. Но четыре класса гимназии она окончила.

Теперь немного о Басе.

Она была немного моложе и фактически вся ее работа заключалась в уходе за матерью.

И она замуж не вышла?

Нет, был жених, предлагал ей руку и сердце, она сказала - я не могу выйти за тебя замуж, иначе я не смогу смотреть за своей мамой. Это было, наверное, в 1940 году. Она так и осталась с мамой.

В самом начале они погибли?

Ну как - в октябре в Йом-Кипур в Жагаре убивали. И тогда их убили, бабушка очень маленькая была, сама двигаться не могла. И ее знакомый литовец посадил в большую корзину, и ее как курицу отнесли в этой корзине. Расстреливали часть евреев на площади в центре, а часть увезли в парк, там была уже приготовлена яма, так бабушка из той части, которую убили на площади.

А откуда вы об этом знаете?

Сейчас я вам расскажу - осталась жива одна наша родственница, это мамина кузина...Мамина кузина Мереле.

А чьей она была дочкой?

Она была дочкой сестры моей бабушки.

А вы не знали сестер своей бабушки.

Нет, они жили в Пашветинис, это из Пашветинис их привезли в Жанары, чтобы убить.

Значит, у бабушки были там сестры.

Ну да, вот сестра точно, Бин фамилия, потому что Мереле девичья ее фамилия Бинайте.

Она осталась жива.

Да, она осталась жива. Ее, значит, так было. На площади когда расстрел был, она тоже на площади была с мамой и с братиком, и бабушка была с ними, поэтому она все знала, знала, как ее принесли...Да и соседи, которые видели как несли, соседи потом рассказывали. Не только она. Значит, когда уже мама была ранена, ее маму ранили в ногу, так она увидела среди тех, кто стрелял, знакомого человека, и она попросила спасти моих детей. И этот человек Мереле и ее братика увел с площади, ну и какое-то время она жила у этих людей рядом. Они работали у кого-то, помогали по хозяйству. А брата один раз уже пытались расстрелять. Это было, когда расстреливали 40 самых знаменитых и влиятельных жителей в Жагаре, и каким-то образом его не расстреляли, он остался жив, но он был потрясен очень и он заболел.

А брат был старше?

Наверное. Ей было 16 лет, ему было лет 18. Так вот он заболел и весь пошел какими-то болячками. Они видели, что он плохой работник, и они его убили. И она об этом узнала случайно от батрачек от девочек.

Так убили литовцы, у которых они работали?

Конечно, конечно. И потом она убежала, батрачки ей рассказали.

То есть, она с братом была в разных местах.

Нет, вместе, очевидно, она с женщинами была. И она в Пашневетис обратилась к священнику, Кунигас фамилия, и этот священник ее спас.

Ксендз?

Да, ксендз. Он нашел женщину, знакомую их, семье она была знакома, и эту женщину уговорил сказать, что это ее внебрачная дочь, и ей поменяли имя, она стала Марите. И ее выдали замуж за, был такой мужчина. Он был готов на ней жениться, она была очень красивая, старый жених уже был, и он женился, и таким образом она спаслась. После войны мы ее встретили и она нам все это рассказала.

И она так и жила с этим мужем?

Она жила с ним. После войны нашлись тети у нее, тети в Горьком, еще бабушкины сестры. И эти тети ее приглашали к себе, а уже у нее был ребенок старший, и она спрашивала маму, что делать. Мама говорит- думай сама, это же твоя жизнь, тебе решать. Ну и она какое-то время сомневалась. А потом появился второй ребенок, и она уже, знаете, начала думать. Жила она очень тяжело, она работала в колхозе как обыкновенная колхозница.

В Шауляе?

Нет, в Жагаре.

А как ее фамилия по мужу?

По мужу Теснесене, Теснесис это латыш. И у нее четверо детей, было две девочки, два мальчика, хорошие дети. Мальчики очень похожи на евреев.

В общем, так она и осталась.

Да, она не так давно умерла, тоже года два назад.

Но она стала Мерой или...

Так и осталась Маритой, и вот когда ее хоронить надо было, мы с ней, между прочим, говорили на эту тему, может, она хочет на еврейском кладбище. Она сказала - нет, я с ним жила, он меня спас, он отец моих детей, и как я жила с ним латышкой, так и буду лежать с ним.

А он давно умер?

Да, он старше ее был намного.

То есть, она похоронена возле него.

Да, на латышском кладбище, как раз на границе латышской, когда каждый раз мы едем в Жагаре, это так называется, день поминовения, когда их расстреливали, день памяти, мы едем туда.

Понятно, это вы рассказали о Басе и бабушке. А теперь о маме, о том, как они поженились, и уже началась жизнь в семье.

Мама училась на портниху, я говорила, что она училась в гимназии, но дальше не было денег учить ее, надо было ее учить ремеслу. Послали ее в Каунас, в Каунасе она там выучилась на портниху.

А где она училась, в ОРТе?

Нет, она училась частным образом у женщины. По-моему, даже два года она там училась. Они работали на эту женщину, и каким-то образом отработывали, я не знаю, как это делалось. Потом она работала сама. Она вышла замуж за отца, сняли квартирку, это был такой домик на двоих – одна семья и вторая семья.

Частный домик на две семьи.

В меньшей жили два инвалида, помню, что Меер и Голда их звали - Меер был глухой, а Голда слепая.

Пара такая.

Да. А рядом родители. У мамы была мастерская, одна угловая комната, были две швейные машины стояли, и одна еще мамина машина. Две ученицы у мамы всегда работали.

По той же системе, что и она училась, ученицы, они делали какую-то техническую работу.

Да. Помню, что был большой деревянный стол гладильный, были эти уютги огромные, которые раздували. И мы ходили раздувать к речке, недалеко от нас речка Шветя, чтобы раздуть не дай бог, чтобы не упала на материал искорка, так мы раздували у речки, а потом несли домой гладить.

Что значит раздуть?

А вот надо было угли. Чтобы все эти угли равномерно разогрелись, надо было воздух, мы их раздували. Ну поскольку я всегда была с девушками, было очень весело там, и песни и шутки, все мы молодые.

А девушки были литовки?

Нет, еврейки. Я очень хорошо помню до войны девушки Шпиц Ителе и Этеле.

Сестры.

Да, одна из них Ителе была очень красивая, такая высокая шея, длинные ресницы, красивый цвет лица, запомнила до сих пор. Почему я так говорю, потому что их брат имел связь с литовской женщиной, и от него осталась девочка. И после войны, ее звали Рожи, после войны она стала судьей, и она конечно не признавалась. А мы знали от мамы, что она дочь еврея, и она очень красивая, такая же чернявая, такой же цвет лица. Такие же ресницы, и у дочки тоже передалось, вот что значит еврейская кровь очень сильная.

А сами Ителе и Этеле куда делись?

Убиты, как и все- всех убили. Это мамы, у нее постоянно было много клиентов. Она очень хорошо шила. И у нас был достаток.

Ну вот квартира ваша, одна комната была занята под мастерскую, а сколько еще было комнат?

Было еще две комнаты. Комнаты – комнатки, одна спальня была с окном в садик, сад был. Еще была комната с выходом на улицу, мы жили на вильнюсской улице, парадный выход дверь туда на улицу. А еще в сад выходила кухонька, а в кухне была печка такая русская, и видно часть печки выходила к соседям, мы ее топили, не саму печку топили, видно, те топили. А там где пекут хлеб, вот такое место. На треножнике мама готовила еду, потом была еще печка, и вот печка обогревала комнату, потому что печь русскую топили соседи.

То есть, была русская печка на две квартиры и была еще печка.

Да.

В спальне родители спали?

Да, родители моя кроватка еще была. Но когда родилась Нина.

А когда она родилась?

В 1937.

Самая младшая.

Да, довоенная, а младшая родилась после войны Аня, Хаеле на самом деле. И Нина это Неселе. Тогда меня взяла бабушка.

Какая?

Моя бабушка Хая, она тогда еще ходила.

А где она жила?

Она жила недалеко от нас, возле реки, помню, она жила. Маленький домик с просевшим полом, помню, что туда ногу можно было засунуть. И жила она - комнатка с другой стороны еще какая-то бабушка, потом еще общая кухня.

Ну и Бася там была?

Басю я что-то не помню, она, видно, работала тогда, потому что бабушка тогда была на ногах. И бабушка, я говорила, еще учила девочек. А потом, бабушка заболела, и они перебрались в другую квартиру, на Вильнюсской они жили. Тоже пополам - рядом какая-то девушка жила, а бабушка с тетей, называлась двухкомнатная, а фактически одна комната была, разделенная печкой. Это спальня была, две кровати стояли железные...

Мы рассказывали о вашей квартире. Вот в 1937 году бабушка вас забрала к себе.

Ну фактически да, я жила у них. Бася меня и в школу водила и купала, помню, что она мне и голову мыла и подстригала меня, волосы были густые совершенно белые. Кстати, бабушка наша была блондинка с голубыми глазами.

Хая?

Да, бабушка Хая. Я думаю, что по-еврейски это было странно, она считалась некрасивой среди евреев. Она меня и обхаживала и в школу водила. Фактически я у них росла.

Вот у мамы была мастерская. А отец где сапожничал?

Одно время он работал у еврея, потом он перешел работать к литовцу, такой же хозяин, в мастерской было человек шесть, я ходила к нему, я носила ему покушать. Дядя Пина был такой, я помню, и он... все сидели на таких стульчиках обьянутых кожей, у всех верстаки – нога перед ними и все они работали. Отец был очень сильный, я помню, что когда он сидел раздетый, было жарко, и у него такие бицепсы. Они между собой кидали сапожный нож и он отскакивал от бицепса.

Это детское такое впечатление. А отец и мать они были религиозны?

Не очень.

Одинаково или мать больше, она же была из религиозной семьи?

Нет, они были из передовых рабочих. Разумно к этому относились. По праздникам ходил, помню, у папы был талес. На все большие религиозные праздники он ходил в синагогу, особенно когда еще бабушка была на ногах, с нею.

С Миной?

Нет, с бабушкой Хаей. Бабушка Мина к этому относилась проще. Но, конечно, все ходили. По большим праздникам все ходили. Было у нас две большие синагоги. Кстати, в Жагаре была Нае Жагар и Алтжагар – новая и старая. Алт жагар были две старые синагоги, они уже не действовали, а в Нае Жагар было две синагоги действующие. Одна была праздничная Бештмедрис, а вторая была обыкновенная. Так вот эта Бештмедриш еще осталась, но конечно, там после войны не было синагоги. После войны там был склад льна, а потом теперь вот чем-то там люди занимаются, кто-то занял одну часть, кто-то другую. Так благодаря этим людям хоть сохранилось здание, не развалилось. А то бы оно развалилось.

Но большая синагога была?

Большая.

Двухэтажная?

Нет, я покажу снимок.

Ну вот вы как раз упомянули, что вы помните некоторые фамилии, вот немного о Жагаре расскажите, о том, чем занимались там евреи.

Ну сколько я помню, вы знаете, трудно мне сказать, все чем занимались.

Кого вспомните.

Было много евреев, вообще, сколько я знаю, было процентов 50.

А население какое было?

Ну население... 2 тысячи евреев было убито. А знайт примерно столько было литовцев, может быть немного больше. Потлму что неизвестно сколько евреев спаслось. И когда убивали, привозили из разных городков, эксгумация была, и там были их других городов. Поэтому трудно определить, но мы так думаем, что до 50- процентов евреев. Разные был прослойки. Богатые евреи это

был Бройде. Я помню даже младшего сына, Довида Бройде, он был очень живой такой, учился по-моему в одном классе с моим дядей Хаимом, очень живой такой, остроумный.

А чем он занимался?

Он имел магазин. У него была гостиница и заезжий двор, потому что после войны мы жили в его доме на втором этаже. Там была как гостиница-комнатки, комнатки, а на первом этаже был магазин, была для прислуги такая большая комната, было место, где лошадей можно было поставить. И была колонка у них во дворе. Это была редкость, поэтому я хорошо помню, потому что мы прибежали. Я сама любила там качать воду, смотреть, как другие качают.

А что, у вас не было воды?

Были колодцы, но знаете, колонка- это не так себе. Потом еще помню, был такой Айзенштадт. Это был уже из средних, ну не совсем бедных, по-моему, из интеллигенции был. Около Айзенштадта жила девочка, с которой я училась... Потом помню был... целый ряд магазинов, посередине в центре города была рыночная площадь, и здесь целых два ряда домов из красного кирпича и магазины, и в основном, были еврейские. Были, конечно, и литовские. Было Айзенбуд, это где продавались товары из железа для сельского хозяйства, потом были мануфактурные, был магазин бакалея. Бакалейных было много. Ну что я еще помню из этих- была гостиница. Тоже, okayмляла эту площадь дома самые такие получше. Так вот одна из этих частей улицы напротив Бройде – это была большая гостиница на втором этаже- это гостиница Криц был хозяин фамилия. И там же была аптека, но аптека была литовца, вот это мне помнится. Потом была семья фотографа, девочка училась со мной в классе, и я не помню фамилию. У него была женщина, у них была фотостудия, я помню, я к ним заходила, она всегда ретушировала. Фотографов было много в городе, еще был один очень известный литовец фотограф. У него фотографировались все евреи, потому что он действительно был очень хороший фотограф. И все фотографии, которые я хотела показать, все были его. Его работа. Еще об евреях. Еще было много ну вот таких вот людей, как мои родители, ремесленников. Были люди, которые занимались выработкой шерсти, Трубники – фамилия, они пряли шерсть. Был Лаксфабрик, из льна, отбивали этот лен, как называлось политовски, я даже не помню. Потом этот... были литовцы, вначале было еврейское предприятие. Потом был Штруль, два брата их было Штруль. Один из них владел мельницей, и вот эта мельница, она была водяная, запруда была через реку Швете, и мельница вырабатывала не только первоклассную муку, но и давала электричество городу, так что освещался город благодаря этому Штрулю. Штруль был еще нестарый человек. Ну может быть, немного постарше моего отца. Он был еще неженатый, это я помню, и мой отец с ним в хороших отношениях был, хотя мой отец был из коммунистов. Но Штруль этот, человек выбрался из низов, свой человек сочувствующий. В доме у нас была общественная библиотека, это я помню.

Как это было?

Ну стояла большая полка с книгами в этой большой комнате, и к нам приходили рабочие и брали книги.

А кто это организовал?

Ну организовали как я понимаю, рабочие организации. К нам приходил библиотекарь Данил Кравец, он потом после войны жил в Каунасе.

Он еврей?

Да, еврей. Так этот Данил Кравец раздавал книги. Перед самой войной как-то не стало потом у нас, очевидно, открыли библиотеку нормальную. Что я еще помню, что Пина Жуков, друзья родителей, у них было трое мальчиков. Они к нам часто приходили, и в субботу бывали в гостях, и вообще бывало много людей. Мой отец был человек общительный, и мама тоже общительная была, так что всегда было весело. И еще что помню - в 39 году у нас появился в городе Макс, молодой человек, очень такой интересный, седой был, его мои родители взяли к себе жить. И он одно время жил у нас, потому что ему негде было жить. Это один из молодых людей, которому удалось спастись из Польши. Он перешел границу и он рассказывал, как он скрывался в стогах сена и как много раз он был на волосок от смерти. И вот этот человек тогда рассказал о том, что творили немцы на захваченных территориях. Вот тогда евреи и задумались о том, что в случае чего надо будет уходить. Поэтому молодые люди многие ушли, и оставили своих семьи. Вот как Пина Жуков тоже уехал, думали, что с женщинами и детьми ничего не сделают. А вот мужчинам надо спастись, ведь думали, что это ненадолго. Ведь советская армия была такая сильная, и что они скоро вернутся.

Чуть-чуть вернемся назад. Вы сказали, что родители были нерелигиозными, но по-видимому, традиции соблюдали. Вот я хочу об этом немного подробнее. Соблюдали ли кошерность.

Да.

Каким образом это было. Как отмечали субботу, то, как вы это помните. А потом немного перейдем к праздникам.

Суббота. Ну когда бабушка была жива немного еще помню, она зажигала свечи и читала молитву, бабушка Хая.

Она у себя зажигала свечи?

А она приходил к нам, мы вместе были и так было. А потом когда уже она была больная, так помню, она одной рукой не владела, а одной рукой всегда зажигала свечи.

Но в синагогу по субботам не ходили, только по праздникам?

Вы знаете, я не очень помню. Я только знаю, что мы с бабушкой точно ходили по субботам. А на большие праздники и мама была. И папа был, и бабушка. А когда бабушка уже не ходила, так тетя приходила. Это было на Симхат-Тойре, Йом-Кипур я помню.

Расскажите уже праздники тогда. Как они происходили. Чем они отличались друг от друга и ваши впечатления.

Ну в субботу акитка на столе.

А что это?

Это значит, хала большая. Потом был праздничный обед. На обеде обычно был чолнт. А чолнт у нас во дворе в саду выходили окнами в пекарню Нарта, я забыла сказать, что был такой пекарь Нарта, у которого мы всегда покупали баранки, очень вкусные были. У него был пекарем такой русский, мы его звали Ванька, на самом деле его звали Олиферий Митрофанов. И у него великолепные получались баранки. Его брат в Шауляе их пек, и тоже были прекрасные баранки. Так вот значит, он, когда печка кончалась топиться, она еще была горячая. Мы в пятницу относили горшок еще горячий и в окно ему подавали, и этот горшок ставили в печку, и все соседские евреи так делали. Не одни приносили, приносили ему эти горшки, ставили в печку, он закрывал и это стояло до субботы. А утром в субботу приходили и также через окно он подавал нам этот чолнт. Это я помню всегда, был праздничный обед.

Но кроме этого что-то еще готовили?

Ну да, была рыба фаршированная, и вообще рыбу очень в доме любили, потому что бабушка наша была торговкой рыбой. Был вкус к рыбе. Отец наш всегда любил и нас, привозил всегда и угошал. Рыба была. Ну всегда был чай, куриный суп с лапшой или крепелех...

Что это?

Это пельмени, суп мясной курины с пельменями. Потом что еще верится мне, ну гехатке геринг- рубленая селедка. Ее делали на большой доске, был мессер- нож, которым рубили. Не через мясорубку, рубили по частям, добавлялся лук- одна луковица, вторая луковица, потом добавлялся уксус немного, того, другого и обязательно с яблоками. Потом что еще - печенка также обязательно паштет делали. Что еще было у нас- тейглах. Правда, мама моя делала тейглах не так, как я сейчас научилась. Она делала с душой «битене шома» - она вкладывала изюминку.

Что это такое?

Тейглах- это изделие из теста, восточное изделие сладкое, варится в мелу или в сахаре. Есть несколько способов, я делаю на меду, а мама делала на сахаре.

Расскажите как она делала.

Если бы я точно помнила. Она брала 6 яиц, ложка сахара, имбирь, она клала соду и немного растительного масла. Потом это все взбивалось и добавлялось муки сколько оно возьмет и получилось тесто не слишком твердое но и не мягкое. И из этого теста делалась такая фигурка, фи́га такая, внутрь она вкладывала изюминку и потом варилось это все в сиропе. Сироп делали так - два стакана сахара, сколько-то добавлялось уксуса, я помню, что-то еще, я не помню. И когда она вынимала, они получались пышными и у нее они были белыми. А я делаю по- другому, меня научила родственница с другой стороны. Я делаю тоже 6 яиц, одна ложка растительного масла, одна ложка сахара, маленькая ложечка имбиря, одна ложка водки и все это взбивается, добавляется муки, раскатывается без комочков и так же раскатываешь на колбаски, завязываешь такую фигу. Потом делаешь сироп- два стакана сахара, полтора стакана воды, две ложки меда. Сначала вскипает сироп и в кипящий сироп вкладываешь эти фигурки, варится 45 минут, завязывают платком, огонь должен быть несильным. Это очень капризное изделие, с ним все может случится. Оно может и сгореть раньше времени, и опасть, поэтому завязывается, огонь не слишком большой, варишь 45 минут, потом поднимаешь крышку, перемешиваешь, чтобы сироп все охватывал. А пока это варится, готовишь доску. На доску высыпашь сахар и берешь блюдо, на него тоже насыпашь сахар. И деревянной лодкой берешь по одной, обмакиваешь сахар, вкладешь на доску, оно должно полежать, немного подсохнуть.

Это первый раз, что мне так подробно рассказали.

Вот и пожалуйста, только учтите...

Вряд ли у меня получится. А имберлах у вас делали.

Это просто. Берется алюминиевая посуда, чтобы не пригорела. Желательно, чтобы дно было выгнутое, чтобы не пригорало. И морковь надо натереть на терке- я беру два килограмма моркови тертой и ставлю на огонь, без воды без ничего, я лично воду не наливаю, некоторые наливают воду. Потом немного поварится, насыпаю сахар. Сахар кладу постепенно - на два килограмма моркови, два килограмма сахара. И это варится довольно долго, варить надо на слабом огне, чтобы не пригорело. Но все время надо мешать,

вначале понемногу, потом все сильнее. И мешать надо до тех пор, чтобы оно начало отставать от стенок. А потом на доску наливаем воду- ну ка, беру мокрую тряпчку и несколько раз ее, чтобы был небольшой слой, и горячую массу раскладываем по этой доске, чтобы оно застыло.

А имбирь вы не добавляете?

Добавляем. Забыла сказать. Добавляю имбирь по вкусу, больше чем чайную ложечку не кладу, кроме того, добавляю корочку апельсина. Но некоторые добавляют еще поджаренный орех, чтобы сытнее было, все это раскладывается, и ждешь, когда остынет. Обычно если я это делаю вечером, то через ночь оно остынет. Утром я ромбами нарезаю и потом смотрю, можно снять или нельзя, смотря как оно будет стыть, потому что 4 дня оно должно сохнуть.

Вы и сейчас это делаете?

Делаю, как же.

А вот в детстве у вас это частые блюда были или праздники.

Нет, мама часто делала, а зимой это была профилактика как бы от гриппа, потому что имбирь, и это жгло немного горло, а у меня постоянно болело горло я коклюшем переболела, поэтому меня постоянно лечили. Что еще? Ну как- селедку по-всякому делали. Вообще, рыбу по всякому. И маринованную делали, и «зих» зое» кислосладкое.

Это мясо?

Нет, селедку кислосладкую и рыбу кислосладкую.

Ну вот расскажите, что зносит селедка кислосладкая?

Кислосладкая рыба буду говорить, селедку вымочить и будет то же самое. Значит, кладется...Зис зоер- зис-сладкое, зоер-кислое. Кладется на дно морковь, лук немало, складываем рыбу, обычно что- треска, складываем рыбу, наливаем воды, чтобы чуть-чуть закрыло эту рыбу, и добавляем соли. И потом когда уже закипело, варится, добавляем изюм, кто как любит. И добавляем пахучий перец, немного горошинок жгучего перца и лавровый лист и варится, минут 20-30. Смотрим по вкусу, немного добавляется лимон, тогда был уксус. Это едят перед началом мясных блюд, как холодное блюдо.

Без томата?

Без... тогда до войны не было томата. Что еще из того, что я хорошо помню. Ну на Пасху говорить нечего все, что сейчас делается, делали то же самое. И у нас и маца. У нас был так называемый подряд, а подряд как фабрика, котоая мацу пекла.

Мацепекарня.

Да, там немало евреев работало. Конечно, сезонная была работа, но евреи работали и немало получали, я туда ходила смотрела – была маца яичная и маца простая. А потом если не было возможно после войны, например, мы с мамой сами пекли.

Ну вот это блюда, в основном, праздничные. А в будние дни что у вас было на столе?

В будние ну что- с мамой вообще она не очень занималась, она постоянно работала. А вот что я запомнила, как моя тетя готовила Бася.

А у мамы не было домработницы, она не могла себе такое позволить?

Нет. Ну что- как Бася готовила, так и мама готовила, а значит, Бася как- ну суп, конечно, в еврейской семье или молочный или молочно-овощной.

Как это молочно-овощной.

Овощной это так- летний овощной – это еврейские грибы- это лисички. Лисички, зеленый горошек, картошечка и еще фарфелех, мучные изделия. Это летний суп молочный.

Он на молоке?

Да, лисички на молоке очень вкусно, попробуйте. Молочно-овощной- капуста, морковка, картошка и немного зелени и даже лук мама клала, это был молочно-овощной. Обычно заправляли фарфелех все эти супы. Потом просто ли фарфелех варили или варили крупяной, ну, в основном какие- ячменные супы. И такую дробленую и целую, сколько я помню, целую. Потом каши варили, тоже помню, манную кашу варили. Что еще- просто а локшен куры, бабку из лапши. Сами делали лапшу и делали, например, к праздничному столу часто подавали бульон куриный и отдельно а локшен кур. Бралась гусятница большая чугунная, в нее отваривалась большими широкими полосами делалась лапша, отваривалась немного, потом в эту посуду добавлялась корица, добавлялся сахар, куриный жир, яйца взбитые. Перемешивалось это все, ну специи по вкусу, как всегда, снималось, разрезалось по кускам и кушали вместе с бульоном. Потом жареная картошка конечно была, что еще могу сказать, это и непраздничные блюда бывало, ка бог послал. Бывало, что не было чего особенно кушать, так самая дешевая селедка, так бывало, и селедочный суп, бывало и так.

Просто вымачивали селедку и варили как рыбу?

Да, варили с картошкой луком, морковкой, я даже после войны у одной моей подруги кушала. Ее мама была из Польши, она была правда, полячкой, но она тоже делала то, что бедные евреи делали.

Ну вот вы говорите, что ваша семья жила неплохо. Но все-таки бывали дни, когда не было достатка.

Ну как вам сказать, ну вот я уже не помню, с чем это было связано, что особенно не было. Я помню, что например зимой, когда не хватало уже витаминов, так мама делала такое блюда- черный хлеб был, нарезался лук репчатый с солью и с куриными шкварками, и хлеб в это макали. И это был завтрак, и кусочек вареного мяса, если было- я с этим шла в школу с этим завтраком, и делилась с моей подружкой, она из бедной семьи была. Я тоже ходила в эту школу фолксшуул. Так что средне жили.

Вот мы немного говорили о кошерности, в чем заключалось кошерность у вас, мясо, куры где покупали?

Это было только для евреев кошерное мясо, были яткес. Мой дед, который говорит, Янк Нисон, был мясник. Рубщик мяса. Он работал у человека, у которого был свой магазин. А таких магазинов было много, и это только кошерное мясо. Выращивали евреи, наверно, потому что были люди в сельском хозяйстве тоже. Вот например, это Бинайте вот я говорю, их семья жила, у них было хозяйство, кур, гусей выращивали. Я помню, у нас Гуня работала такая девушка, так я ходила к ней в гости, там откармливали гусей. Очень хорошо помню, как она это делала. Она жделала мучные кецки как палец, между колен задивла аэтого гуся и запзивала ему в ро.Откармливала гусей и потом...

Это тоже еврейка была?

Да, она этим занимались. Потом подвешивали ее, эту гусыню, чтобы она не растрясла этот жир, чтобы она была жирная как следует, у этх гусынь бывало по 2 кг жира....

Кассета номер 2, первая сторона. Вы повторите последнюю фразу, что кур и гусей носили к резнику.

К резнику - а шейхет. Я даже хорошо помню даже этот дом. Где это было - это в центре, был такой переулочек красный кирпичный двухэтажный дом. И на первом этаже был а шейхет. Этот шейхет, зайдешь к нему, с левой стороны был такой как прилавок, углубление. Я к нему подходила, подавала курицу, он ее брал, возле одного этого углубления он резал горло, а во второе бросал. И пока она там трепыхалась, потом ждали, и он ее отдавал. Перед тем когда резать, он что-то шептал над ней.

Молитву какую-то.

Да. И на горле у нее выщипывал несколько волосков, потом резал ее. И еще помню, как капорес. Это...

Вам тоже делали?

Не помню, кто это мне делал - то ли это мне бабушка делала, то ли этот резник, но я помню, мне это делали. Помню, к реке шли, вытряхивали юбки, когда к Швете шли.

Это перед Йом-Кипуром?

Да. И вот это я помню, а капорес.

Рош-А-Шана был большой праздник?

Да. Читали, помню очень хорошо, как читали эту Тору, как раввин. Раввин Рив, был очень уважаемый человек. Его не только евреи, но и литовцы уважали, за советом к нему ходили. Он читал Тору, двое помогали нести ее, в Бештмедрише это было, наша синагога праздничная была, в этой части...

Арон-Кодеш.

Да, открывали, там эта Тора стояла. На Симхас-Тейре туда входили, кругом обносили, пели и танцевали. А в то время, когда праздник Рош-А-Шана начинали снова.

Начинают читать снова в Симхат-Тора.

Нет, Рош-А-Шана.

В Симхат –Торы это праздник Торы, заканчивают и начинают снова читать.

Ну не знаю.

Неважно. А на суккот у вас ставили сукку?

Да, обязательно. У нас например, в саду.

Это сад хозяйский был или вы им пользовались?

Понимаете, этот дом был на выкуп. Хозяева уехали в Южную Африку и этот дом, родители платили кому-то, а деньги отсылали. И он был на выкуп, и мы платили и второй платил, и после войны он фактически уже был наш. Так вот, считайте, что это был наш сад. Ставилась сукка и все родственники собирались, потому что не всем было где поставит.

Ага, значит, к вам еще приходили родственники.

Да, приходили родственники. Кто читал эти молитвы, я уже не помню, народу было много.

Ну вот другие праздники - Ханука, Пурим, Пейсах, расскажите что-то особенное, что вам запомнилось.

Хануку. Хануку я тоже помню, что мы ходили в синагогу, я точно помню, и что большие меноры горели и было очень весело. И пели и молитвы были общие. Потом помню на пурим эти игры. А где мы собирались, я ходила в детский сад еврейский, правда, недолго я ходила. Со мной моя подруга была Валя, Олиферия дочка Валя ходила тоже со мной.

Почему?

Ее некуда было девать. Он ее обычно спускал в наш сад и я с ней игралась. А когда ...

Она младше вас была?

На несколько месяцев разница, а когда отдали меня в сад, ее некуда было девать, и ее вместе со мной отдали. И я помню Пурим в детском саду, и был Пуримшпиль и нас одевали, мазали, пели и танцевали. И потом играли в юлу.

Это в Хануку.

Очевидно, я знаю, что мы с Валею это все делали.

И она знала идиш, Валя?

Ну знаете...Знала, понимала. Я знала по -русски знала.

А литовский вы не знали?

Ну несколько слов. Литовский я выучила уже в детдоме, потому что я попала в литовский детдом.

А родители дома на каком языке говорили?

Мои родители дома говорили на идиш. А значит, если хотели, чтобы я не поняла, говорили по-русски, потому что я его не знала.

У нас все наоборот было.

А почему - потому что он и в 1914 году они эвакуировались, их заставили эвакуироваться.

Они не эвакуировались, просто тогда евреев считали потенциальными шпионами и вывозили, так они были в России?

Они были в России, они, по-моему, на Украине были. Даже не помню где.

И та и та семья была, получается?

Да. Таким образом. Насчет праздников.

Вы говорили, у вас Пейсах дома отмечали?

Да, обязательно.

Ну готовили дом как-то, убирали, чистили?

Обязательно. И все это убиралась и все это чистилось, и у тети боже мой что творилось. Выскребалось, тетя очень чистая вообще. Что еще я запомнила, вот что евреи делали, очень хорошо тетя делала голубцы, вот какие-то особенные у нее были голубцы, у меня никогда такие не получалось, они у нее почему-то коричневые были. Не знаю, что он там добавляла, может, жженый сахар. Ну они были необыкновенно вкусные и очень красивые. И еще обязательно, или куриный или гусиный жир, они были жирные. И сладкое делали, и мучное, и гефилте гелтву – фаршированная шейка или куриная или гусиная, ее клали или в соус или отдельно или в цимес - знаете, что это такое. Морковный цимес, а флоймен цимес – сливовый цимес.

Расскажите, как вы его делали. Почему я спрашиваю - у нас по той программе есть еврейские блюда тоже. Они выбирают ...

А флоймен цимес берется жирное мясо, грудинка, его варят, чтобы мясо было немного проваренное. Добавляется картошка, и потом добавляется слива.

Обычная или чернослив?

Естественно, чернослив, сушеные. Вот я уже не помню. В каком последовательности мама клала. Сейчас сливы уже без косточек и они уже мягкие, так кладешь с картошкой, и они тушатся. Так вот это жирное мясо, она дает туда жир, и все это варится – картошка и сливы, на медленном огне, и желательнее, чтобы это был в духовке, а не на плите. И это примерно час. Ну когда мясо немного сварилось, так еще примерно час. Ну еще что добавляют к этому- жженый сахар. Слива дает кислоту, жженный сахар немного сладости и

и дает такой цвет. Сливы сами по себе коричневые, а жженный сахар добавляет цвета.

Так туда вкладывали шейку?

В это...нет цимес обыкновенный мы клали, а в морковный цимес обычно клали.

А морковный цимес тоже с мясом делается?

Ну кто как хочет, я обычно делаю уже готовым бульоном заливают, а некоторое кладут куски курицы, ставят в духовку и варят, а потом уже добавляют резаную морковь, лук и специи. Потом когда уже морковь почти готова, добавляют сахар, морковь, курицу.

А курицу вынимают оттуда?

Ну если хотят чтобы было много клецок и все такое, так место же нужно, вынимается курица и все это кладется. Кто как хочет - некоторые делают так, не кладут клецок, а просто во в этот цимес добавляют муку, ее немного разбавляют с водой и добавляют в цимес, чтобы было с мукой. А если с клецками, картофельные. Некоторые мучные клецки делали. Мы, например, картофельные клецки делали. Так это клецки – тертая картошка, как на блины, добавляется мука, яички не кладутся, туда же шкварки, перец, соль, корица, чуть-чуть сахара и длинной ложкой, чтобы не обжечь руки, эту массу- тесто такое липкое- кладешь, по одной клецке отдельно. У меня например, большая гусятница, у меня 12 клецок получается. А можно так- часть положили клецок, а часть положили шейку наполнили. А шейка уже делается с мукой. Мука, жир, шкварки или просто нарезанный лук, можно и сырой и немного поджаренный, и, значит, все специи, которые кладешь в цимес- и тоже корицу и сахар и перец, много жира, и все это запихиваешь туда в шейку, зашиваешь ее до конца, слегка отвариваешь ее в бульоне, во-первых, она увеличивается, и потом она быстрее сваривается, потому что если курица старая, так у нее шкурка жесткая.

Вы прекрасно рассказали особенно еврейскую кухню.

Это все делали родители, и его мама делала, и моя мама делала. На все праздники мы все делали.

А вот на праздники я хочу спросить- четыре вопроса на Пейсах кто у вас задавал?

Обычно отец.

Он сам задавал и сам отвечал.

Ну у нас не было сыновей, поэтому...я уже не помню, как это было. Были Жуковы обычно с нами, а у них были сыновья. Я уже не помню точно, как это было. Были и яички отваренные в соленой воде и маца и свечи на столе. Читалась молитва, задавались вопросы, вот это то, что было. Я знаю, что так было. Но слишком религиозны мы тогда не были, средне.

Хорошо, вот вы говорили, что выучились в фолксшуул. Когда вы туда пошли, в каком году?

Я рано пошла. Мне было 6 лет. Меня некуда было девать, я вечно околачивалась с друзьями, и меня решили раньше отправить. Я в 6 лет начала учиться, кончила до войны 2 класса. Ну как учились - я помню, еще не было нашей школы. А была... в старом Жагаре было помещение возле двух старых синагог. Как я понимаю, это было религиозное здание. И вот на первом этаже была наша школа. Было несколько классов - младший класс, потом два каких-то еще постарше дети. У нас был огромный класс, было очень шумно. Помню закон Божий, это вообще было страшное дело. Нам читал очень старый человек с огромной бородой, его никто не слушал. Был даже случай, что один мальчик

подошел и дернул его за бороду. И помню, был такой Шита Киклер, мальчик рыжий такой был. Он был очень подвижный, и вечно ему попадало, его ставили в угол и заставили вытянуть руки и все ученики вкладывали свои сумки. Это был первый класс, и что я там выучила, я тоже не помню. А второй класс я уже училась в новой школе, и вот эта школу, школу и открыл этот Рив, благодаря ему, он собрал деньги у богатых людей города, и на этой фотографии как раз они есть. Был хозяин мануфактуры, была фабрика такая, и потом этот Штруль, и потом даже мой родственник, который был Вайнер, тоже был не очень богатый, но он что-то дал. В общем, из всех богатых евреев, которые имели магазины, Перецман, я вспомнила...собрали деньги и на эти деньги построили школу. Она, конечно, была небольшая одноэтажная какая-то...И в этой школе как раз мы учились во втором классе. И я помню, вот когда-то я училась там. Я видно все-таки чему-то научилась, потому что до сих пор могу писать и читать на идиш.

Но вы учились до прихода советской власти в этой школе?

И после прихода. Сколько там оставалось. Я кончила. И началась война. А когда началась война, я пошла с первого класса по-литовски, затянулась моя учеба.

Немного еще о довоенном времени. Вы говорили, что отец был сочувствующий коммунистам?

Да.

С рабочими он был в какой-то организации?

Да, безусловно, раз у нас была библиотека.

А вот сионистские организации были в городе?

Были.

Кто-то в них участвовал из вашей семьи?

Нет, из нашей семьи точно нет. Это уже обычно более зажиточные люди, интеллигентные. Больше интеллигентные. Вообще эти рабочие организации относились очень напряженно к этому. Как-то там было такое мнение, что, дескать, эти богатые посылают их туда на мучения, а сами не едут. Вот такие разговоры я слышала.

То есть, в вашей семье это не приветствовалось?

Нет не было такого. Ну как - не был против, но чтобы ехать туда, разговоров не было.

Вот как вы помните...вы уже говорили, что появился Марк, который у вас поселился.

Не Марк, а Макс. Да, мы уже знали о том, что творится в мире. И вообще настроение было очень тревожное. Я помню, он пел, он хорошо пел и играл на гитаре. И, значит, он пел песню, она. По-моему, на немецком языке, по-моему слова припева (*поет по-еврейски*)...Значит, каноны - пушка, мы встречаемся на пушках и под пушками мы прощаемся, видно. Убитые лежат. Штык к штыку. Потом я встретила эти стихи, по-моему, в томике Томаса Манна. По-моему, это немецкие стихи. Я потому сомневалась – из Германии он бежал или из Польши, но то, что он в 1939 году появился из Польши, это точно. Что еще о настроениях вообще, что уже были очень ярко настроены против евреев. Было такое- саво посаво- то есть, свой у своего, была такая агитация, чтобы покупали только у литовцев, а у евреев чтобы не покупали. Вот это я помню. Потом я помню, маршировали скауты, и что эти скауты пели немецкие песни, очень хорошо это помню. И еще помню, что эти скауты дрались с еврейскими мальчиками. Вот такое. Еще что могу сказать.

Ну будем считать что мы поговорили о довоенном времени, или вы еще можете что-то сказать?

Вроде все.

Ну хорошо. Вот как для вас началась война, как вы помните начало войны?

Ну мы говорили, что Макс уже настроил нас, мы уже знали, сем дело пахнет. И когда 22 июня узнали о том, что началась война.

А каким образом узнали?

А радио было.

У вас дома было радио?

Да, ну и передавалось из уст в уста.

Еще один вопрос до начала войны. Я понимаю, что отец ваш воспринял приход советской власти с радостью?

Ну конечно, большинство рабочих, и большинство евреев был бедными, и большинство были за. Но не только- вы посмотрели бы, какие толпы людей собирались на площади. Толпы, это были не только евреи, это были и литовцы. Помню, как я стояла...на Ринавичусе – ну как –это же были рабочие. Я их помню, потому что и после войны мы с ними встречались. Этот Ринавичус потом был редактором газеты «...», один из сыновей. А вообще было много литовцев, полные улицы были людей, ходили на митинги. Почему вот, например, в пионерских лагерях, которые в Паланге были, было много детей литовцев, ведь не только евреи были, литовцы. Когда это было, чтобы бедный человек мог послать своего ребенка в Палангу. И эти литовцы были тоже рады.

Ну да, туда послали детей, которые потом там застряли.

Ну да, но не только евреи там были.

А вот для вас что-то изменилось, для вашей семьи, когда пришли Советы?

Изменилось. Ну что- мама продолжала работать как работала. Отец. Я уже не помню, что у него была за такая работа, но во всяком случае он уже не работал сапожником. А что он работал в кооперативе, это я знаю, есть документ, но кем он был на самом деле, я не знаю.

А продолжали вы жить в том же доме?

Да, все было так же. Единственное только, что я помню - мне купили новые две пары ботиночек, чего раньше мне не предлагали.

То есть, был какой-то рост.

Очевидно.

А вот были уже репрессии, аресты, вы помните.

Вы знаете, я нашем городе, по-моему, этого не было. Ну во-первых если бы мой отец был к чему-то причастен, он этого не допускал, если он был причастен, потому что я знаю, как относился он к людям и как люди относились к нему, поскольку у него были с людьми, со Штрулем были очень дружеские отношения. Все были соседи- Перецман был наш сосед, ну может быть, Бройде был так сказать дальше.

А национализацию проводили уже?

Да.

А людей еще не выслали?

Я этого не помню. Все те, кто были, те остались к началу войны.

Начало войны, вы сказали, что 2 июня по радио объявили о начале войны.

Да. На второй день уже упала бомба в городском саду недалеко от Дворца Нарышкиных.

Там был дворец Нарышкиных?

Да. И есть, теперь остался тоже, в плачевном состоянии, сначала был Зубова, а он проиграл в карты Нарышкину. Так вот в этом саду упала бомба. Ну началась паника. Люди начали думать - бомбы падают, война началась. А потом потянулись через наш городок войска, отступление началось. А городок у нас был приграничный, одна дорога на Йонишкис была, а вторая дорога через Жагары шли, через наш городок потянулись машины, войска, лошади.

Отступление, это на второй день?

Ну я бы сказала, на третий.

Дома уже обсуждали, что делать?

Да. Я помню, во-первых, я спросила у мамы, что такое война. Я помню, мы сидели у окна, мама шила, окно на улицу, а по улице войска идут буквально возле наших окон. И я спросила у мамы, что такое война, она мне стала объяснять. А я спросила у нее что нам надо будет уезжать, она сказала, наверное. Вот видели, что люди с вещами идут и поняла что и нам придется. Ну конечно, настроение было печальное. Помню, что напротив нас мои друзья жили Шмулик и Хона, это были мальчики...друзья детства и друзья по играм. Они жили напротив, там был столяр отец, они к нам, я к ним часто заходили. Они у меня в саду. И они в этот день тоже не приходили. Потому что напротив были дома, и шли войска. И они не переходили улицу, эти два последних дня мы уже не виделись.

Как их фамилия была?

Вот фамилия не знаю. Даже имя отца, помнила еще но уже забыла.

А ребята вашего возраста были?

Шмулик был такой как я, а Хона был моложе. Он еще не ходил в школу. Он хороший был такой, мы его дразнили – Хона – делимона, а никогда не обижался, пел вместе с нами. Значит, не могла с детьми встретиться, я сидела все время дома. По-моему, на четвертый лень войны мы уже уезжали. Мама сказала, что надо собираться. Был у нас такой большой матрас, видно, натягивался наматрасник полосатый. В этот большой полосатый матрас мама напихала вещи носильные- пальто было там, платья, подушка даже там была. А Нина тогда совсем маленькая была, 4 года. И она болела корью. Так ее завернули в одеяло. Я помню, что еще наши знакомые такие Йодри были литовцы, они в деревне жили. Так вот они нам принесли ведро меда, и две буханки белого хлеба, это все, что было нам в дорогу.

А что, дома больше ничего не было?

А что взять можно было.

Вот литовцы провожали, то есть, у родителей были неплохие отношения с ними?

Были хорошие, у них были друзья. Вот иногда пишут, что до войны были антагонистические отношения, не было этого, этого не могло быть. Жили кучно, очень близко друг от друга, были дворы рядом, во-вторых, работали друг у друга. Литовцы говорили по-еврейски, а евреи говорили по-литовски. Я не видела таких случаев. Это Ванька говорил по-еврейски лучше меня, я после войны когда встречалась с ним и говорила с ним, мне было даже стыдно, это отец Вали Олефирий, недавно лишь умер, вот такие были отношения. А тогда когда мы собирались, так это было очень быстро, надо было уходить

Конечно, Каунас суже был оккупирован, он на второй день был занят.

Наверное, это я сейчас знаю, а тогда.... И в это день подали от райсиполкома машину. Большая грузовая машина, и в эту машину сели мы- я, мама, Нина, семья – жена Этиса...

А это кто был?

Он тоже был, по-моему, коммунист, он тогда работал в горисполкоме, значит, его жена и двое детей.

А ваш отец?

А наш отец остался, он отправлял людей. И вот ему говорил кто-то из молодых мужчин, чтобы они ушли- вот Пина. Его друзья, они ушли, пешком пошли. И они думали, что они скоро вернуться, семьи остались. И этот Штруль, он его тоже уговорил. Штруль ушел, но ушел на день позже. И как понимаю, этого Штруля, так рассказывал Ваня, он жил в этом доме, что его пасли, знали, что он богатый, и что богатство он возьмет с собой. И он все время рассказывал, что он говорил, что чувствует, что за ним идут, и его поймают и убьют. И он не поехал, а пошел пешком, и это плохо. Он поэтому вернулся и решил оставить свой чемоданчик, а потом уже не вышел.

И он погиб?

Да. Первые дни, когда 40 самых именитых евреев расстреляли. Так вот мы сели в машину, еще какая-то семья лейтенанта была, еще какие-то люди. Потом к нам подошла группа детей с пионервожатыми, Алдона и Алеша.

Пионервожатые.

Да, такие молодые люди лет 19. И группа детей. Это были дети с Паланги, они добрались до Жагара и их высадили, им некуда было деваться. Так отец велел оставить часть вещей, которые были с нами, я помню, мы выбросили часть, мы потеснились и этих маленьких, такие примерно как я, были на два годика моложе, их посадили. Те, которым было лет 14-15, они пошли пешком. И мы поехали в сторону Латвии. На машине нас вез наш дальний родственник, это был Йоффе, вот не помню кто он был такой, по-моему, парикмахер. Он был мужем двоюродной сестры моего отца, вот таким образом, такое было родство. На машине мы ехали. Он не был шофером, он сопровождающим был, был еще шофер. Мы ехали по улице нашей, помню, Вильнюсской, мы еще бабушку видели. Бабушка сидела у окна, а я смотрела на улицу, и она меня узнала, еще мне руку протянула ко мне.

А вопрос о том, чтобы ее взять, не обсуждался?

Нет, невозможно было. Бася ее каждое утро поднимала с кровати, подставляла больную ногу, подмышки брала, мыла ее, усаживала ее у окна. Ее кормить надо было, с ней невозможно было.

То есть, Бася пожертвовала не только личной жизнью. Но и вообще жизнью.

Да. Такая жизнь. Вот. Значит, последний раз увидела бабушку. А потом мы уже ехали через латышскую границу.

Не думали тогда, что надолго.

Ну знаете как, никто ничего не мог сказать, но надежда была, что скоро вернемся. По дороге нас обстреляли, так получилось, что самолеты кружились. Мы по лесу ехали, военные с одной стороны, а с другой стороны белоповязочники. И нас обстреляли. Солдаты нас остановили для чего – что мы были не маскированы. Полосатый наш матрас, например, надо было переделать, это все вниз. Меня сняли, поставили на землю, возле меня пули падали, и рядом со мной был солдат, ему прямо в ногу попало в сапог, он хромяя отошел, а меня подняли и посадили. Мама ужасно кричала, волновалась. Доехали до Риги, и

дальше нас не пускают. Город бомбили. Нас остановили в каком-то большом доме, и в этом доме были даже туалеты, не такие как на улице, а нормальные, я их в первых раз увидела. А с нами ехала девочка Мереле, мы с ней познакомились в пути, она была в тапочках, в халатике и в трусиках, это все, что на ней было. По дороге она в трусики наделала, и эти трусики мы оставили там в туалете, это я помню. Вот так вот. Потом наутро нас пустили. Мы поехали дальше этой машиной. Каких-то двоих детей нам еще посадили, литовцев тоже, какой-то Эдвардас, и девочка. Не помню, как ее звали. Посадила какая-то женщина, женщина с мужчиной. И видно, они шли пешком, а детей решили спасти и посадили к нам в машину. И вот мы так доехали до Пскова. А в Пскове решили переночевать, решили или не пустили дальше, я уже не помню. И эту машину направили к детскому дому, детский дом уже был эвакуирован.

Какой детский дом?

Местный псковский детский дом. Их эвакуировали. Дом был пустой и нас пустили ночевать, и мы в нормальных кроватях спали нормально ели. А наутро наша машина должна была приехать за нами. А утром они ехали к нам, а и указали другую дорогу, или нарочно. И они попали на станцию. А на станции в это время русские войска перегружались, машину забрали и все. Мы ждали, ждали, никто к нам не приезжает. И тогда этот Алеша, этот наш комендант, он попросил кого-то в городе. Приехала машина, нас привезли на станцию и погрузили нас в эшелон. Мы еще на станции бегали с Алешей по перрону, кричала - Мама, мама, не нашла ее и всю

Вы с мамой расстались?

Да. Она мне велела спать с ними, потому что боялась, что я заражусь от сестры.

Вы спали в детском доме, а мама?

Она с сестрой осталась в Пскове.

Где она ночевала?

На улице.

А вы были с детьми, и вы потерялись?

Да. И уехали. Мы попалм в Перевозский район горьковской области, нас сначала разделили по деревням по 12-11 человек, нас разместить даже было негде. В Перевозском районе мы переночевали в школе. Я заболела корью и заразила всех детей. Был карантин, когда мы выздоровели, нас с кроватей сняли и положили на полу. Потом разделили по деревням, мы попали в Горышкино деревню. Нас было 11 человек, мальчики четверо спали на русской печке, нам дали отдельный домик. А девочки на матрасах из соломы спали на полу.

А старший кто с вами был?

С нами был Алеша. А вообще...Алеша по-моему, руководил всеми. Потому что мы по деревням были. А с нами в Горышкино была Алдона. И еще с нам жила девушка Надя, русская из Горышкино, ее направили к нам и она за нами ухаживала. Она нас кормила.

А чем кормили, паек какой-то давали?

Вначале нас возили в какую-то столовую, почему Горышкино- одна гора, вторая гора. Мы успели за полгода вырасти, мое платье до сих пор, трусики порвались. Когда мы шли на гору, сзади мальчики шли, я застегивала булавкой платьице. Мы приходили в столовую, нас кормили из деревянной посуды. Там хохлома, в миски наливали гороховый суп- вода и горох и черный хлеб. А хлеб был с лободой, я не знаю, как это было, что в 41 году уже не было хлеба. Это Горышкино вообще было бедное село. Потом...Надя за нами смотрела, уже

более ли менее. Все ж таки колхоз нам давал молоко- вдеро молока и картошку. Картошку она чистила, варила кашу, потом несколько яиц туда взбивала. На всех по одному не хватало, и наливала молоко. Русскую печку вытапливали соломой, потом она ставила туда горшок и получалась как кашка очень вкусная, все кругом садились и ложкой. И хлеб- вечером давали нам стакан молока и хлеб. Вот это я помню. Потом я еще помню затирку такую делали- черная мука, вода, получалась такая затирка, иногда ложечка масла подсолнечного.

Но все-таки детей не бросили?

Нет, не бросили. Эти люди сами очень бедно жили, а нас действительно не бросили. Потом было как – прошло полгода.

Зима началась, а в чем вы ходили?

Послушайте, что было. Они для жилья отдали нам церковь. Эту церковь они обнесли досками, фанерой обшили, чтобы теплей было, и мы там жили. Хотя было страшно холодно. Вообще были холодные зимы во время войны. А одеяла были солдатские, у каждого солдатское одеяло. Так мы четверо друг к другу прижимались и четырьмя одеялами укрывались. Те, которые всередине, им было тепло. А по краям холодно - один дом теплый, а другой холодный. Мы менялись. А тогда уже что - порядок такой-то был. Линейка какая-то, собрали нас. А как мы ходили во двор- в туалет надо бы. Заворачивались в одеяло, а на ноги одевали ботинки- какие-то ботинки стояли, и в этих ботинках по очереди бегали в туалет. А было так, что иногда босиком убежишь.

Скучали по маме?

Сначала ужасно плакала, по ночам стоял рев. А потом ну что- ко всему привыкаешь. Потом я помню Новый год. На Новый Год нам, девочкам, пачки шили.

Все эти 10 девочек были?

Нет, нас уже собрали всех в церковь.

В этом Горышкине был детский дом.

Да, вначале. А потом нас перевезли в село Ичалге. А Новый Год еще в этой церкви был, нам девочкам пошили из марли платица, накрахмалили. Мы были счастливы, но было страшно холодно в этих пачках. Но все-таки сделали детям Новый год.

А что-то было вкусное?

Не помню этого.

Детский дом был в Горышкине, а что потом было?

Когда нас переселили в этот новый детский дом, в этот день мы целый день голодали, только вечером нас накормили. И я помню, что я ела эту затирку, в тот день она была с молоком, но мне стало плохо, и я рвала все время, видно, чувствительное было. Все были сыты, а я была голодная. Но потом нас перевели в село Ичалки. Это было богатое село. Оно когда-то, потом учительница, с которой я переписывалась с детского дома бывшего, она мне рассказала, почему название такое Ичалка. Был такой удмурт Ичалка, который при Иване Грозном повел войска, наверно, против татар. И за то, что он это сделал, ему дали эту деревню, и название она получила Ичалка. Но там земли были более плодородные, рядом была река, и в общем, была другая жизнь. Впервые, нам дали хозяйство.

Вам дали дом какой-то в Ичалке?

Нас поместили в школе на первом этаже, здании школы. Отапливалось, большое деревянное здание.

Кровати были?

Кровати были, топчаны. На топчанах были матрасы, набитые соломой. И мы на них спали. Но все равно не на полу.

Но там отапливалось?

Отапливалось печкой, обыкновенная круглая печка, и она отапливалась дровами. Но самое страшное было то, что эта школа сгорела. Ночью она загорелась и очень быстро сгорела. И там внизу в подвале наша картошка была, наши запасы. Мы потом залезали и брали эту картошку. Нас потом перевели отдельно- девочек в такое здание кирпичное двухэтажное было на берегу Пьяны, а мальчиков в деревянное здание где-то подальше. Она мне прислала план города, я вам покажу. Ну мы жили тогда нормально, нам даже присылали американцы тушенку, омлет.

Это уже 1942 год?

Да.

И яичный порошок?

Да. Яичный порошок, помню, что был мармелад. Мы сами ходили в лес по грибы по ягоды. И хозяйство- у нас была лошадь, была корова. Потом две коровы, были свиньи. Я пасла свиней, у реки Пьяны постоянно сидела и постоянно ныряла в нее. Я из нее не вылезала и там научилась плавать. Потом еще что там. Я один раз, я помню, пасла корову вместе со Стефой, такая же как я. Мы эту корову в пять часов утра встали, мы ее повели, она нас тащила и она вдруг захотела в ту деревню, откуда ее взяли, и она начала бежать. Рядом с нами были мальчики, которые пасли бычков, так они эту корову удержали. Ну такое было. Мы вернулись.

А вы учились там?

Я училась.

А когда вы начали, уже в Ичалке.

Да, в Ичалке, в деревянном доме нам отвели класс. И мы учились несколько классов в одном. Но только каждый получал свое задание. Ну так выучили литовский.

Это был литовский детский дом?

Да.

А евреев было мало?

Были, было много евреев, а учились по-литовски.

А преподаватели литовцы были?

Преподаватели, в основном, были литовцы, а Вера Федоровна преподавала нам русский язык.

Сколько лет вы там учились?

Я там прожила до 1943 года.

А что случилось в 1943 году?

В 1943 году мама меня нашла.

Через Бугуруслан она вас искала?

Она искала меня через Казань, Нижний Новгород, посольство было в Казани, и она меня нашла. Вначале ей сказали, где я живу, потом пришел ответ, что нет меня там. Но она решила, и я получила от нее письмо. Вот тогда рыдали все. Это было еще в Горышкине, это был конец 1941 года или 1942.

А почему она вас сразу не забрала?

Не могла. Она вначале жила в Ярославской области, потом они переехали в Киров к отцу, а отец ушел в армию.

Она жила в Ярославской области, а отец после вас уже ушел.

Да.

И он попал в Киров?

Да.

Он попал в 16 дивизию литовскую?

Еще не было 16 дивизии. Когда начала она формироваться, она формировалась в 1942 году.

Нет. Она начала формироваться в декабре 1941 года.

Да? Это Балахна, это недалеко от Горького, и вот отец в 1943 году оттуда приехал.

Он был в литовской дивизии, но не в действующей армии.

Нет, он был в действующей армии, но был обозник.

Значит, он вас забрал в Балахну и вы соединились с мамой?

Да.

Это было в начале года или осенью?

Это был конец октября.

А как вы прощались со своими подружками?

Очень все плакали, плакали, завидовали.

А больше никого не забирали из детского дома?

Нет, потом еще кого-то забрали после меня. Был тако Скепмен, потом я с ним переписывались и дружила, его забрали позже. Директор нашего детдома, она меня провожала. Дала мне валенки, что-то еще из одежды, чтобы было мне тепло. А, кстати, мои детские вещи остались у нее, потому что у нее была дочка, а у меня было очень красиво пошитое платьице, и красиво пошитое пальто, мама хорошо шила, она взяла, а меня хорошо одела. Меня снарядили позимнему. Ну значит, Миша Дордик так хорошо со мной прощался. Был такой мальчик из Минска лет 16, это был хороший мальчик, у нас с ним дружеские отношения были. Ну вообще все дети, я дружила с Валею Волнайте, литовка-девочка шестипалая, она была интересная девочка, не такая, как все, в себе.

Ну говорят, что шестипалых бог метит.

Ну может быть, она была такая духовная. Необычная девочка. Вот мы с ней дружили, была такая сердечная подруга. И потом семья Баронов, мальчик и девочка. Вот с теми я очень дружила. Ну со всеми простились и уехали. Мы ехали с отцом, это был, конечно, не вагон для пассажиров. Это был обыкновенный товарный, подстелили на пол какие-то шинели. И какие-то солдаты отпускники ехали домой, вот такая была компания. И по дороге, между прочим, нас обокрали. Отец вез кожу маме на ботинки, подошвы. В мешке вещевом они лежали внизу. Так когда разрезали мешок и кожу из него украли. Он это вез как драгоценность в то время. Еще сухари, но сухари остались. Что там говорить. Я была бритая. Так у меня были косички, а там всех обрили, надо было обрить. Меня сестра Нина называла «бритая башка из поганого горшка». Она меня не признавала вначале.

Забыла вас.

Конечно. Но потом все пришло в норму. А я как привыкла ходить по лесам, так и тут по лесам. А жили мы у самой Вятки. Фабрика эта перчаточная была у самой Вятки.

Мама там работала?

Да. У самой Вятки. И я постоянно в лесу. И как только сходила вода с разлива Вятки, начинались кислинки – так называли щавель, потом луговой лук, потом начинались ягоды.

Крапива.

Крапиву мы не ели.

Ягоды. Ну грибов там было мало почему-то, там очень исхоженный лес был. И я этим помогала как могла. Потом у мамы был огород.

Вот где вы жили?

Мы жили в общежитии, на территории фабрики было общежитие. Я помню, что в нашей комнате было 6 человек. Дальше...

Еврейские семьи были еще?

Только мама. Евреи вообще на фабрике были, но это было руководство, это были начальники цехов. Это те, которые выехали из Полтавы вместе с фабрикой. Это была Яновская, хорошо помню, остроумнейшая женщина. Вообще были интересные люди. Перельман был такой человек из Таллина, он работал то ли сторожем, то ли инженером. Зеленая такая была.

В общем, был огород еще при доме.

Да, был огород. А поскольку я в дедоме хозяйством уже занималась, так я вскапывала маме огород. Был даже такой огород, который дали ей под картошку, довольно большая делянка. А земля там глина самая настоящая, и я ее за неделю вскопала. Мы засадили картошкой. Ну вот так и жили.

А в школу вы там ходили?

Ходила. Школа была в Скопино.

Вы ходили в литовскую?

В русскую, с третьего класса.

А русский язык вы уже знали?

Нет, откуда, абсолютно не знала, и можете представить, как мне было сначала. Но я очень быстро выучила, я вообще на языки быстрая. И вначале я писала на одни двойки диктанты, а уже к концу года я писала на тройки. А в четвертом классе я писала на четверки и на пятерки, так что с этим делом быстро. Только с математикой было, слезы, слезы, с детства до примерно 7 класса. В 7 классе я попала к хорошему учителю и он меня переломил. Ну вот так.

А отец был на фронте?

Да, отец был на фронте. А на скопинской горе у самой Вятки была школа. Я шла по лесу, а потом на гору, а на горе Скопино была школа. Там собирались ученики со всех окрестных деревень. Там было так- малое Скопино, большое Скопино, были Большие Тименцы, малые, и отовсюду собирались ученики. Что мне запомнилось- это что все великолепно катались на лыжах. Все! Над мной смеялись как только могли, я вообще не могла стоять. Ну а потом, когда я увидела, что надо мной все смеются, я решила после уроков, когда никого нет, я брала лыжи и каталась с горы. И даже раз прыгнула с трамплина, то есть, я это преодолела. Но не успела, уехали. Ну вот так. А зимой было страшно. Зимой, рано утро еще темно. А по лесу идешь, холодно. А в 1944 году зимой лошадь пала, и эту лошадь выбросили на реку, и волки пировали по ночам. А утром идешь в школу, и через овраг мостик такой был, а в овраге один волк прямо навстречу мне. Я думаю, собака, я еще губами почмокала. В это время работницы шли на работу, и одна как увидела, как она свистнет, как соловей-разбойник. И этот волк убежал. Деточка, он тебя не тронул, она меня гладила- это же был волк. И потом когда я шла, я уже с опаской смотрела, если кто-то шел, я быстро уходила.

Ну и до какого времени вы там были.

В 1945 году мы оттуда уехали. 16 дивизия заняла Шауляй, заняла Вильнюс.

Сначала Шауляй?

Нет, по-моему, они Вильнюс.

Из Белоруссии Вильнюс.

Потом пошли на Ригу. Здесь шла какая-то армия, Шауляй три раза брали и потом отдавали.

А когда взяли Шауляй.

В 1945.

Нет, в 1944.

Я уже не помню.

И отец был все время в обозе.

Да. Был в армии, не только в обозе и в перестрелках участвовал, всякое было. А вообще они, он, Пина, те, которым уже под 40 было, они были обозники и он работали на фронте- что перевозить, таскать, чинить обувь.

А писал все время он?

Писал маме треугольнички

Еще такой вопрос, пока я не забыла. Бабушка Хая погибла там, а бабушка Мина?

Бабушка Мина была с нами в КировеЮ, я же вам рассказывала, что мы ее спасали от воспаления легких. Она вместе с нами была.

Вас отец отсюда вызвал?

Очевидно вызвал, по-другому тогда не было.

И когда вы поехали?

Это был 1945 год.

До победы или после?

По-моему, после.

А День победы вы не помните, как проходил.

Вы знаете, день победы смутно помню, не буду врать, почему-то все это смешалось. Последнее время, когда уже конец войны был, был такой праздник в перчаточной фабрике, они обычно устраивали пляски друг перед другом, и пели частушки. Что-то такое было. И был конечно, праздничный обед, тогда фабрика всех угощали, по-моему, это был День Победы.

Вы поехали сюда. Теперь послевоенное время.

Ну мы приехали, город был совершенно разбит.

А вы поехали в Шауляй?

Да.

А почему в Шауляй, а не в Жагар.

Ну знаете, в Жагаре мы еще не знали.

Папа был в Шауляе?

Папа вначале был в Жагаре, был направлен туда на работу в торговлю в кооператив. Но поскольку время было беспокойное, то он семью вначале не взял.

Беспокойное в смысле националистов?

Конечно. В лесах. Отец спал, даже когда мы уже приехали, граната была на печке, а под подушкой был наган. Так что...мы вначале были единственная семья, потом уже приехали.

Когда вы туда приехали.

В 1945. Вообще с семьей наверное, в 1946. Потому что в 1945 мы приехали, это уже была осень. Я помню, что я начала ходить в школу в 5 класс.

В ту школу, куда ходил Борис.

Да, мы вместе туда пошли в пятый класс.

И вы там познакомились?

Да мы и жили на одной улице. На улице Пакайнис мы жили. Но было вначале так- негде было жить, где попало- он жил вначале на улице в одной комнатухе две, три семьи. А мы на улице Пакайнис была такая семья Биршейн, у них собственный дом. На втором этаже жила бабушка наша. Я, мама, Нина, тетя Роза...еще одна сестра. Я забыла сказать, что у папы была сестра Роза.

Я поняла. Розы не было.

Молодая, красивая.

Она была незамужем до войны?

Нет, незамужем. Ей было 16 лет вначале войны. И она пошла добровольцем в эту армию, и она была санитаркой и даже имела орден Красной Звезды. И мой дядя Рувим тоже имел орден Касной звезды. Роза тоже с нами жила. Потом отец забрал маму и Нину. Это был 1946 год. А я осталась учиться и жила с бабушкой. Когда Нина кончила 4 класса, она тоже приехала сюда, потому что русской школы не было. И мы жили вместе с ней и бабушкой. И так и кончила школу. Я кончила и уехала в Вильнюс учиться.

Давайте немного помедленнее. Давайте немного о Розе и ее судьбу просто чтобы мы обо всех рассказали.

Эта тетя Роза была сама как мальчик живая, ныряла с моста в воду, и она ушла в армию.

А после войны.

Она работала на фабрике, была у нас фабрика трикотажная, там она работала. Потом она вышла замуж.

За кого?

Гендлер фамилия Йохим, а он был жестянщик. Детей у них не было, и они взяли приемного мальчика. Звали его Ицик, и потом с ним вместе уехали в Израиль. В Израиле он умерла очень молодая, в 53 года.

Так это я спросила про Розу. Вы учились в школе, это была русская школа. И евреев было много?

Ну как - относительно довольно много.

Ну отношения в то время какие были?

Ну нормальные, знаете, русские, евреи, литовцы. У нас литовцев почти не было- русские и евреи. Нормально если кого-то назовут, так не со зла. Бывало, что меня называл жидовкой Никильберг, а он был из смешанной семьи-отец был врач еврей. А мать была украинка. И что-то жлобское в нем было. Так он меня иногда называл жидовкой. Но было так, что за меня заступился. Например, был такой мальчик, на класс старше нас учился, но он очень дружил с нашим классом, и он ему набил баки, так что я не могу сказать, что был антисемитизм или что-нибудь.

В каком году вы школу кончили?

Я кончила в 1952.

А вот этот период 1949-53 год, дело врачей

Ну в 1952 году я уже была на первом курсе.

А до этого вы знали об этом?

О том, что Михоэлс был и все такое.

Или это все стало чуть позже.

Кое-что мы слушали, это было очень даже понаслышке. Что-то иногда говорили старшие учителя, у нас учителя тоже были евреи. Что-то я, по-моему, от Марии Ароновны слышала. Мария Ароновна Канбарене, она была

МОПровка, была с политикой больше связана, что-то она там говорила, что какой-то комитет, кого-то она осуждала.

Но в принципе здесь никого не коснулось?

Ну в самый разгар я была в институте. А он был в армии.

Ну про него я все знаю. Пока мы только о вас. Куда вы поступили?

В университет на филологический факультет.

Вы легко поступили?

Я хорошо поступила. Было 10 человек на место, но я прошла по конкурсу. Было дело с врачами.

Вы учились в институте.

В нашей комнате в общежитии была такая Натаура и такая девочка Лида, а ее отец бывший военный. Из такой семьи, не слишком культурные, но с замашками. И она решила как патриотка пройтись по мне. Жида кого-то там убивали, травили и как только я входила в комнату, она брала газету и читала вслух. И я ей пообещала, что если она еще раз возьмет газету, то я не отвечаю за себя. И она прекратила, когда она увидела, что серьезно, она испугалась. А было комсомольское собрание курсовое. На комсомольском собрании обсуждалось. Но по-моему были представители, не все были, потому что была наша Рая. Мы ее выбрали от факультета или от курса.

А комсомолкой вы еще в школе стали?

Конечно, все были. Кого не брали - самых отсталых, я не была отсталой. И, значит, евреи Раю настраивали, а у нас было на курсе немало евреев. Был такой Лазарь Греер, был такой Миша Левин, был такой Сережа Рапопорт, мы с ней поговорили, что когда будут говорить, ты скажи - так и так. Но Рая не выступила не так и не так, но очень обтекаемо. И потом мы имели к ней претензии. Но она, видно, хотела остаться в комсомоле. Но все это было и прошло так же по нервам. Что еще?

Это было все до смерти Сталина, а как вы смерти Сталина восприняли?

Не говорите- это было такое горе. Это было страшное дело. Весь университет, весь факультет вышел на площадь, митинговали, рыдали чуть ли не вслух, нам казалось, что мир перевернулся, что все кончилось, солнце закатилось.

А вот отец ваш в это время был на руководящей работе?

Он работал так же в кооперативе.

А как он к этому относился, или у вас не было об этом разговоров на эту тему?

Мы с ним слишком много на эту тему не говорили. Я только одно помню, что отец мой не был такой правоверный. Он критически довольно относился ко многому. И он говорил - если бы мы раньше знали об этом. Зачем все эти жертвы, зачем это нужно. Он с мамой говорил.

То есть, как часто бывает, что отцы девочек не очень посвящают, мальчики поближе.

Я была более близка к нему, поскольку мальчиков не было и я была за мальчика, и защищала семью как мальчик.

А младшая девочка Аня когда появилась?

В 1946. Она росла без меня, Нина с ней больше общалась, Нина же училась в младших классах там, а я вообще только иногда наездами.

А вы активной комсомолкой были.

Да, я участвовала в редколлегии класса, в университете тоже в редколлегии газеты курса.

А семьи, родители соблюдали какие-то традиции еврейские после войны?

Ну вы знаете. Пасху мы справляли. Мацу пекли, Йом-Кипур мы постились, потом что я еще Пурим...да гоменташа были обязательно, это у нас было. Все праздники традиционные мы отмечали.

А когда бабушка Мина умерла?

Ей было 74 года. В 1962 году.

Вы уже были замужем?

Да, мы были женаты.

Я вчера слышала от вашего мужа, а теперь вашу версию того, как вы познакомились? И всего что произошло дальше.

Знать я его знала, как хулиганистого не самого лучшего ученика.

То есть, в школе не было никаких чувств.

Нет. Пропускал уроки, бывало так, что приходил в неделю раза два. Но по математике всегда успевал, чему я завидовала. Что еще- он кончил семь классов и мы расстались на этом. Мы виделись, мы же на одной улице жили. Я больше общалась, вот Бимштейн жил в нашем доме Яша, Аркаша был. А он где-то в футбол играл, я его видела.

Ну а как получилось, что у вас возникли чувства?

Встретились мы с ним. Во-первых, я его видела несколько раз, когда ему было 17 лет, он еще делал какие-то попытки, он еще делала какие-то замечания по поводу фигуры или чего.

Ну да, чтобы обратить на себя внимание.

Но мы с Ниной...Нина говорит- на него не стоит обращать внимания. Потом отец вместе с ним работал в то же системе. И он мне все говорил- что вот, Арон, спрашивал про тебя- я Арона не знала, я знала Борю. И передает привет и он с тобой вместе учился- где учился в школе. Не помню Арона. В конце концов он приехал- так это же не Арон, это же Борька.

В Шауляе?

Нет в Жагаре.

А вы в Жагаре жили?

Я работала уже там после университета

Получила туда направление.

Направление я получил под Каунасом, но я захотела ближе к дому, и поменяла. И я поехала сначала в глухую деревню учительницей русского языка и проработала два года без электричества, а потом приехала в Жагаре и там проработала год. Ну а в это время мы с ним встретились.

Вот это время вы, девочка молодая приехала в эту деревню литовскую. Как к вам относились?

Отлично, ко мне относились отлично и до сих пор у нас прекрасные отношения. Мы с ними встречаемся, вот мы вместе едем туда. Мы как друзья остались. Не как учителя и ученики, они меня даурите- воспитательница, и меня никто никогда не называл жидовкой.

Когда вы познакомились, Борис приехал к вам в Жагар.

Ну и что- мы сели рассматривать альбом. И всех своих учеников вспомнили. Ну знаете, все это вернулись на круги свои, появились общие интересы. И потом он стал очень интересный, он стал другой. Был такой худой, шея с кадыком и весь такой как палка, а теперь он был уже интересный мужчина.

Когда вы поженились?

В 1960 году. В 1959 году 31 декабря.

У вас свадьба была?

Ну как - сели. Устроили ужин, все наши знакомые приехали, из Риги приехали евреи, из Вильнюса кто-то

А кольца были обручальные?

Были.

И платье новое было?

Платье на мне было темно-синее, просто модное по тем временам, клеш.

Креп-сатен?

Нет. А тонкая шерсть.

Я не буду задавать те вопросы, которые я задавала Борису, я уже немного знаю о вашей семье. Мне кажется я так понаблюдала уже, что у вас не было особых разногласий в отношении к жизни вообще?

Нет, в этом смысле, как говорится, лед и пламень был между нами, но один взгляд на жизнь, вот на все жизненные вопросы одинаково. Мы росли в общем-то в похожих семьях.

А кто у вас кому подчинялся?

В деловых вопросах всегда я ему подчинялась, а по-моему, в других вопросах он мне.

Толерантность была, да?

Да.

Я о дочерях знаю, знаю их истории. Младшая стала учительницей. А потом не захотела быть. Это было ваше влияние, что она пошла в пединститут?

Может быть. Вы знаете как - мы ей предлагали, Лана, где хочешь учиться, это твое дело, выбор делаешь ты. Мы ей предлагали в Ригу. А в Ригу в то время очень модно было биофак. Но она не захотела ехать из дома. Если не хочешь уезжать, поступай. Вот она и поступила.

Вы лично до какого времени работали?

До 1985, пока мама не умерла. Умерла мама, у меня остался внук на руках.

А мама с отцом жили все время в Жагаре?

Пока отец был жив.

А когда отец умер?

В 1961 году.

Рано умер. А хоронили по-еврейски?

Нет У него был, одели ему пахрихем, но внзху был пахрихем, а сверху костюм. Вначале сам кооператив его провожал, а потом на машине привезли сюда, потому что семья решила переехать сюда после его смерти, и похоронили его в Шауляе.

Мама переехала к вам?

Нет, мама квартиру получила. Потом через какое-то время построили литпотребсоюзковский дом и она получила квартиру. А в 1985 году мама умерла.

Еще два вопроса- ваш муж говорил, что у вас не было желания уехать в Израиль, это у него, а у вас?

Вы знаете, разговоры у нас были на эту тему. Когда уже очень активно все ехали, в 1972 году, ехала моя подруга, с которой мы вместе учились. Она мне написала письмо и оставила мне адрес, к кому мне обратиться в случае если мы захотим уехать, потому что уехать было непросто. Но знаете, у нас был не

так просто, потому что мы всегда были центром семьи – и его родня, и наша родня. Если ехать, надо было ехать всем, а всем не получалось. Его бы мама не отпустила. А шибко большого желания у нашей мамы не было. Жили мы здесь как все люди и не было такого страшного желания. Вот единственное что уезжали все друзья, и мне уже хотелось. Ну вот так получилось, работа была.

Вы были членом партии?

Меня два раза приглашали и я не поступала. Третий раз мне пришлось.

В каком году это было?

В 1970 году, по-моему.

Но вы сейчас не жалеете, ведь на вашей жизни сказалось, распад советского Союза, независимость Литвы, ваше отношение к этому?

Вы знаете, вначале рухнула жизнь. Вначале. Все это было очень тяжело, потому что во-первых, началось отношение такое. Это было как будто бы все что было в Литве плохое, были мы виноваты. К нему в районе начали придираться перестройщики. Началась вроде как и травля. Потом и в печати началось. Начали вспоминать, как еврей кому-то что-то сказал. Я от кому-то там на мозоль наступил, кто-то кого-то высылал в свое время, на евреев как всегда. И это было конечно очень неприятно. И потом было страшно. А вдруг они возьмут и сделают так как они делали когда-то. У нас в 1990 году очень многие уезжали именно от страха. Его брата свекровь она прямо сказала- Киндерлах (говорит на идиш) (Дети, давайте отсюда бежать, начинается рекет, и начнется все, что было). В общем, они фактически уехали поэтому.

А сейчас изменилось как-то отношение. Все-таки вы здесь, вы помогаете мужу во всех его начинаниях, община- это ваше общее дело.

Фактически так. Хотя я сижу дома, если бы я не сидела дома, кушать бы было нечего.

Сейчас изменилось отношение?

Нет Сколько могу помогаю, и если надо доклад подготовить, могу. Пока еще могу. А так сидела дома после того, как я ушла с работы ничего такого не делаю

Спасибо большое.

Описание фотографий.

1. Кто на это фотографии- в центре бабушка Мина, рядом справа дед Янкл Нисон Байтлер, стоит девочка Люба, в центре Циля, справа Рувим. На руках у мамы- Хаим, и девочка Рохеле (Роза ее имя), а это Мейше, тот который погиб в разведке. Судя по возрасту, Хаиму здесь меньше года, это 1927 год.
2. Такого же возраста фотография. Стоят слева направо – тетя Хана, мой отец Лейбе, этот Рувим. Сидят - Люба, Роза, это Нина, Йоселе,я, Нейшеле, а это Хаим. Вот это дедушка Янкл Нисон, а это Хаим. Это последняя фотография дедушки, скоро его не стало.
3. Мой отец Лейбл Байтлер, ему тут 20 лет. Фото 1929 года перед замужеством.
4. Семья Ханы, которая погибла. Стоит Хана, на руках у нее младший сын, я его не помню, слева ее муж Нохим. Нохим- это муж. Хана. Янкеле, Эстерка, а на руках не помню мальчика, довоенное фото, 1941 год.

5. Эо ученики недавно открывшейся народной школы. Школа была открыта на собранные деньги. В центре седой мне кажется. Что с бородой раввин Рив. Кого вы здесь знаете? Учительница Геринг третий снизу ряд справа с прямым пробором. А что с ней с тало>- Все убиты. Вот тут Хаим третий сверху ряд третий справа мальчик, Рохеле под ним Тут еще Мейшке, Шейне Бася в белом свитере,. Это бабушкина сестра, у бабушки было 7 сестер, это сын младшей сестры. -Это у бабушки Мины было 7 сестер. Кого вы знали- Знала младшую сестру Шейне Басю, старшую сестру Матлю, еще была сестра, не помню их имена. Две сестры старшую я помню и младшую. Самую младшую тоже помню. А с дочкой Шейне Баси, Рохее (Рая дочь Шейне Баси). Мы от нее все узнаем. Малич- это ее сын. Слева ...Хана Мерка справа в первом ряду девочка, это дочка Шейне Баси, Яха четвертая справа во втором ряду. Дочь Шейне Баси, две дочки и сын. Фото сделано в 1936 году 20 сентября. Те люди, которые финансировали открытие. Муж и жена седая – фабриканты. Сейчас скажу, дядя мне говорил, как их фамилия. Учитель Шлейман и учитель Тангу- это слева стоят два учителя. Теперь Этеле какая-то третий ряд сверху - а чья это Этеле. Если вы не знаете, больше не будем. Слева под датой это учителя, и еще Фейгеле возле учительницы Геринге вот эта вот девочка тоже погибла, все погибли. Наверху мальчик это и есть Довид Бройде....Учительница ...Лемхен муж и жена владельцы мануфактуры. А вот это мы с Рохеле думаем, что вот это был Рив, этот наш раввин, но мы точно не знаем.
6. Это собрание Бейтара или халуцим. Скорее халуцим - здесь есть молодежь города, третья слева папина сестра Люба, и дядя Рувим в верхнем ряду справа третий. 1930е годы.
7. Это кооператив, членом которого был мой отец, он им руководил, он четвертый справа в комиссарской кожанке. Вы еще кого- то знаете? = вот это муж и жена, это наши друзья, котрые нам мед на дорогу дали, это литовцы. В среднем ряду пятая женщина слева с белым воротничком, рядом мужчина, Йодрис и Йодрене. Это фото 1940 года после прихода советской власти.
8. Городская пожарная команда Жагаре, довоенная фотография. Верхний ряд первый слева Пиня Жуков, четвертый мой отец. Присел справа второй в пиджаке Рувим Байтлер, все понятно.
9. На этой фотографии я в центре преподаю в школе в Шауляе в семилетней школе в 1962 году.
10. Фото 1959 года я в Паланге, до замужества.
11. Мой отец в центре, его сотрудники, заготовители. Мейше Злот его нет в живух. Портрет Ленина. В праздник.
12. Слева бабушка Мина, Роза, Хаим..только что вернулся из армии, Мейше...фото 1946 года.
13. Слева Рита старшая, на руках у нее Гедеон, ее первый муж, и моя младшгая дочь Лана.
14. Это я с внуком и Циля Исааковна Эренбург, моя сватья.
15. Это 1960е годы, моя мама. Отец умер в 1961, первый раз мама без отца, седьмая справа, она стоит в косыночке светлой и макинтоше, мама. Это фото на месте расстрела евреев в Жагаре. Этот памятник мой отец ставил, а отреставрированный, сейчас он по-другому

выглядит, это уже сделал мой муж. Денег собрали евреи, их тогда было много, отовсюду. Мы ездим туда каждый год.

16. Возле дорожного указателя... Слева мой муж, потом я сестра Нина. Кстати о судьбе Нины. Она заумж не вышла. Она окончила шауляйский педагогический институт тоже филолог, и она работала завучем школы. И дядя Рувим и мой внук Гедеон, Дина, жена дяди, который жил в Иерусалиме, и сын Рувима Исаак.
17. Это Хаим и его жена Дина. Начало 1950х годов. И моя сестра младшая в Жагаре
18. Бабушка Мина Байтлер, Шауляй, конец 1940х
19. Фрида Байтлер, Шауляй, начало 1950х годов.